

МИНИСТЕРСТВО ПРОСВЕЩЕНИЯ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ
федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение
высшего образования

«Красноярский государственный педагогический университет
им. В.П. Астафьева»
(КГПУ им. В.П. Астафьева)

Исторический факультет

Кафедра всеобщей истории

БРОВКО ВЛАДИСЛАВ ИГОРЕВИЧ

МАГИСТЕРСКАЯ ДИССЕРТАЦИЯ

**ВЛИЯНИЕ ПОСТСТРУКТУРАЛИЗМА НА РАЗВИТИЕ
УНИВЕРСИТЕТОВ ВО ФРАНЦИИ ВТОРОЙ ПОЛОВИНЫ XX ВЕКА**

Направление подготовки 44.04.01 Педагогическое образование
Направленность (профиль) образовательной программы Политическая
история и политическая культура

ДОПУСКАЮ К ЗАЩИТЕ:

Заведующий кафедрой
канд. ист. наук, доцент Зберовская Е.Л.

(дата, подпись)

Руководитель магистерской программы
доктор пед. наук, профессор, Ценюга С.Н.

(дата, подпись)

Научный руководитель
старший преподаватель, Эберхардт М.В.

(дата, подпись)

Научный руководитель
канд. ист. наук, доцент Зберовская Е.Л.

(дата, подпись)

Обучающийся
Бровко В.И.

(дата, подпись)

Оценка _____

Красноярск 2025

СОДЕРЖАНИЕ

ВВЕДЕНИЕ	3
Глава 1. Становление постструктурализма и его основные черты	9
1.1 Определение постструктурализма и предшествующая интеллектуальная традиция.....	9
1.2 Сущность и основные характеристики постструктурализма.....	23
Глава 2. Меняющаяся политическая культура Франции второй половины XX века	40
2.1 Политическая парадигма постструктурализма и предпосылки для будущих преобразований политической культуры.....	40
2.2 Изменения в политической системе и политической культуре Франции второй половины XX века	55
Глава 3. Развитие университетов во Франции и постструктурализм.....	68
3.1 Предпосылки изменений в системе высшего образования.....	68
3.2 Трансформации системы высшего образования во Франции и взгляд постструктурализма	75
ЗАКЛЮЧЕНИЕ	86
СПИСОК ИСТОЧНИКОВ И ЛИТЕРАТУРЫ	88

Введение

Актуальность. Сам по себе генезис постструктуралистской мысли является ключевой темой для понимания современных политических и эпистемологических парадигм. Предшествующий структурализм утверждал существование универсальных бессознательных структур, определяющих законы существования общества. Постструктурализм – это критическое интеллектуальное движение, выступающее как реакция на структурализм, которое отрицает фиксированный смысл и существование неизменных, имеющих центр структур. А постструктурализм как проект с собственным видением политика и того, как должно быть устроено образование в значительной степени был связан с критикой фундаментальных как казалось концепций и от этого актуальным становится вопрос в какой степени происходит преодоление предыдущей философской традиции и насколько они связаны. При том, что понятие постструктурализма давно вошло в тезаурус гуманитарных наук и сам подход получил крайне широкое распространение, исследования постструктурализма проводились чаще применительно к сферам лингвистики, филологии, философии, культурологии и реже в сфере политических наук. Вместе с тем область интеллектуальных идей как часть политической культуры в значительной мере в XX веке определялась таким типом мышления, который можно назвать постструктуралистским, что означает потенциальную плодотворность исследования, направленного на прояснение сущности постструктурализма и его последующего влияния на политическую сферу. И в этом контексте актуально обращение именно к Франции, где, судя по событиям мая 1968 года интеллектуальные новшества довольно быстро проникали в общественную жизнь. Еще менее чем постструктурализм сам по себе и изменения в высшей школе исследована в русскоязычной гуманитарной науке область соотношения истоков постструктурализма и их взаимное влияние с процессами, происходящими во французской высшей школе во второй половине XX века, где политические трансформации вызвали серьезные изменения в институциональной

организации высшей школы, учебных программах и подготовке научных кадров. И в конечном итоге актуальность работы определяется комплексной взаимосвязью всех этих аспектов.

Степень изученности. В целом степень изученности можно назвать высокой в плане изученности частей работы, которыми можно назвать: постструктурализм, постструктурализм в контексте политической философии и университет во Франции. Вместе с тем их синтез изучен в гораздо меньшей степени.

Сам по себе постструктурализм изучен в очень высокой мере, что наиболее любопытно в данном случае это рефлексивность самого предмета исследования, то есть то, что сами мыслители, причисляемые к постструктурализму, размышляли о сущности феномена, в таком случае первоисточниками являются М. Фуко, Ж. Деррида, Ж. Делез, Ф. Лиотар, Р. Барт, Ф. Гваттарри и прочие.

Непосредственными исследователями-историками, внесшими значимый вклад являются А.В. Дьяков¹, С.Н. Ставцев², И.П. Ильин³, И.В. Костикова⁴, Н.С. Автономова⁵. Их работы посвящены философской и исторической разработке постструктурализма.

В зарубежной науке стоит отметить критический анализ постструктурализма со стороны Ю. Хабермаса⁶.

Аспекты, связанные с политической культурой и высшим образованием изучены глубоко, хоть и в несколько меньшей степени.

¹ Дьяков, А.В. Жиль Делез. Философия различия. — СПб.: Алетейя, 2013. — 512 с.

² Ставцев С.Н. Введение в философию Жака Деррида. — СПб.: Лань, 2010. — 224 с.

³ Ильин И.П. Постструктурализм. Деконструктивизм. Постмодернизм. — М.: Интрада, 1996. — 256 с.

⁴ Костикова, И.В. Постмодернизм в контексте современной французской философии. — М.: Изд-во МГУ, 1998. — 144 с.

⁵ Автономова Н.С. Открытая структура: Якобсон — Бахтин — Лотман — Гаспаров. — М.: РОССПЭН, 2009. — 503 с.

⁶ Хабермас Ю. Философский дискурс о модерне / пер. с нем. М.М. Беляева и др. — М.: Весь Мир, 2003. — 416 с.

История политической культуры как часть политической истории в период Майских событий детально изучена в работах Досса⁷, где акцент сделан на студенческом движении, что еще раз интересно в связи с изменениями в университете Франции. А отдельное исследование именно роли интеллектуалов как производителей политических ценностей проводилось Бурдьё⁸. И его же необходимо отметить в связи с исследованиями социологии политики и социологии образования, где институт исследуется как часть культурного капитала.

И относительно изученности образования также можно с интересом заметить, что основной нормативный документ закон Фора инициирован министром образования и педагогом, который посвящал свои работы истории и философии образования. Исследовали этот вопрос также многие специалисты, такие как: К. Мюсселин⁹, М. Питерс¹⁰, Д. Бист¹¹.

Цель работы состоит в том, чтобы определить методологическое и эпистемологическое значение постструктурализма и общекультурное влияние интеллектуального течения в условиях политических и академических изменений во Франции второй половины XX века.

Для достижения цели поставлены следующие **задачи**:

- 1) Выделение сущностных свойств постструктурализма
- 2) Определение влияния постструктурализма на изменения в способах концептуализации власти и институтов высшего образования
- 3) Выявление изменений, произошедших под влияние постструктурализма во французской академической среде

⁷ Dosse F. Histoire du structuralisme. Tome 1: Le champ du signe, 1945–1966. — Paris: La Découverte, 1991. — 522 p.

⁸ Бурдьё, П. Социология социального пространства / Пер. с фр. — М.: Институт экспериментальной социологии; СПб.: Алетейя, 2007. — 288 с.

⁹ Musselin C. The Long March of French Universities. — New York: Routledge, 2004. — 208 p.

¹⁰ Peters M.A., Besley T. Poststructuralism and Education // Oxford Research Encyclopedia of Education. — Oxford University Press, 2019. — P. 1–25.

¹¹ Biste G.J.J. The Beautiful Risk of Education. — Boulder, CO: Paradigm Publishers, 2013. — 176 p.

Объектом исследования является новое для второй половины XX века интеллектуальное направление постструктурализма и его значение в контексте меняющейся политической культуры Франции этого исторического периода.

Предмет – это изменения в системе высшего образования во Франции, вызванные идейным влиянием постструктурализма и опосредованные политическими преобразованиями.

Территориальные рамки исследования охватывают границы Франции второй половины XX. Под границами Франции имеются ввиду непосредственно европейские границы, хотя в этот период происходил процесс деколонизации и более того Франция даже была втянута в колониальные конфликты в Алжире и Индокитае, само по себе изменение границ вне последствий колониальных конфликтов не имеет большого значения для исследования трансформации интеллектуальной культуры и системы высшего образования.

Хронологические рамки исследования охватывают период с начала 1960-х годов, то есть периода генезиса постструктурализма, а именно ранние работы Деррида, Барта, Фуко до конца 1990-х годов, когда активность постструктуралистов сходит до минимума.

Источниковая база. Источниковую базу составили труды видных представителей движения, последующих исследователей, которые рефлексировали о движении, не причисляя себя к нему формально, нормативно-правовые акты и мемуары. Для исследования темы были использованы различные источники, связанные с философией, педагогикой, политикой, социологией образования и разделить их можно на несколько групп:

Первая группа источников: научные источники, представленные работами философов и ученых в области гуманитаристики, которые как сами развивали идейную основу постструктурализма, так и исследовали

постструктурализм и его влияние, социологию и историю образования, политическую историю и культуру Франции этого периода.

Вторая группа представлена документами, нормативными актами, отражающими политические изменения и изменения в высшем образовании во Франции этого периода.

Третью группу составляют воспоминания и мемуары, отражающие восприятие политических событий этого периода и дающие представление о популярных идеях и их значении в изучаемый исторический промежуток.

Методы исследования. Для исследования текстов представителей постструктуралистского направления использовались герменевтический метод, состоящий в интерпретации идей, представляемых направлением, также применялся метод концептуального анализа в исследовании основных понятий и концепций. Метод также необходим для понимания аналитических понятий, предполагаемых текстами. Безусловно был использован исторический метод для воспроизведения изучаемого феномена как процесса, для которого свойственно динамическое развитие. Сравнительно-исторический метод нашел свое место в исследовании, например в исследовании изменений, произошедших в высшем образовании. Генеалогический метод использовался как попытка с точки зрения самого постструктурализма взглянуть на историю.

Научная новизна состоит в попытке предложить прочтение трансформации философии этого периода как диалектично связанного и вместе с тем имплицитно предполагающего постструктуралистский разрыв движения. Но, прежде всего новизна связана с тем, чтобы исследовать взаимную связь аспектов институтов власти, высшего образования и интеллектуальных идей постструктурализма, что, в частности, проявляется в попытке проследить конкретную связь институциональных изменений с абстрактными философскими идеями.

Практическая значимость. Работы может быть использована для дальнейшего исследования взаимосвязи политической культуры и высшего

образования, для анализа причинно-следственных связей между политикой и образованием. Также, исследование может быть использовано для более глубокого изучения истории Франции XX века в ходе реализации курса зарубежной истории или курса истории философии в ВУЗе.

Апробация работы. Работа была апробирована статьями, опубликованными в сборниках конференций:

Бровко В.И. Изменения политических систем западноевропейских стран свойственные постмодерну // XVIII Международная научная конференция студентов, аспирантов и молодых учёных «Перспективны» 2022.

Бровко В.И. Постструктуралистская парадигма политических наук // XXVI Международный научно-практический форум студентов, аспирантов и молодых ученых Актуальные проблемы социально-гуманитарного знания. 2025.

Бровко В.И. Постструктуралистский взгляд на ценности и этический реализм. XX Всероссийская научная конференция «История мировых цивилизаций. Духовно-нравственные ценности как фактор развития общества». 2025.

Также апробация проводилась в ходе проведения семинаров по зарубежной истории по теме американская революция и роль университетов для студентов 3 курса КГПУ.

Структура работы. Работа содержит введение, три главы, заключение и список использованной литературы.

Глава 1. Становление постструктурализма и его основные черты

1.1 Определение постструктурализма и предшествующая интеллектуальная традиция

Начинать исследование объекта логично с попытки дать его определение, хотя наличие определения предполагало бы уже его знание, но в любом случае для исследования необходимо как минимум рабочее определение корректировка, которого в конечном итоге должна привести к определению, выражающему наше понимание объекта. В случае постструктурализма возникает большая сложность с тем, чтобы дать строгое определение, причиной этому является внутреннее разнообразие, сам постструктурализм нельзя назвать единой теорией или подходом, можно сказать, что сам его этос имплицитно стремится отказаться от любой застывшей строгой дефиниции. Также, внутри направления мы можем увидеть противостоящие тенденции, что подтверждают теоретические конфликты между отдельными представителями, интересен и тот факт, что и сами классические представители направления не всегда могли отчетливо относить себя к этому направлению. Отказ от определений, инициируемый самими мыслителями постструктуралистами способствует сложности в определении постструктурализма¹².

Вместе с тем, неоднозначность теоретических границ постструктурализма не означает полную невозможность создание какой-либо определенности относительно исследуемого предмета. Прежде всего, уже само наименование направления указывает на его критический характер, на преодоление чего-то, что мы называем структурализм и в этом состоит ключевая часть определения постструктурализма – это его критическая направленность, это направление связано прежде всего с преодолением предыдущего подхода и как будет видно далее, предшествующей

¹² Дьяков А.В. Постструктурализм как феномен истории философии: дис. ... д-ра филос. наук. — СПб., 2009. — 420 с

философской традиции шире. Однако, значительные связи также предопределяют направление.

Сказав, что постструктурализм стремится критиковать и отказываться от концептов предыдущих эпох, мы предполагаем, что определение зависит не от самого референта понятия. Можно сказать, отрицающее определяется отрицаемым. Тогда, во многом чтобы понять постструктурализм нужно узнать, что, прежде всего в видении самого постструктурализма, есть классическая философская традиция, классическая метафизика, в частности. Хотя, наименование указывает на необходимость сосредоточиться на отрицаемом структурализме и связанных течениях, вроде Пражского лингвистического кружка, более плодотворным будет указать и некоторые признаки более широкой традиции для более глубокого понимания постструктурализма.

Под предшествующей классической философией имеется ввиду прежде всего философия Нового времени, хотя выделяемые характеристики свойственны и иным периодам классической философии.

Прежде всего философии, особенно видно это на примере Р. Декарта было присуще понятие субъекта, рационального агента способного воспринимать и познавать мир. В философии появляется «Я» отдельное от мира субъективное начало, несводимое к практикам или чему-либо еще. Cogito Декарта провозглашает начало в философии, которое хоть и будет трансформироваться и переосмысляться, прежде всего, Кантом, который скажет о «трансцендентальном единстве апперцепции» всегда будет оставаться ключевым понятием, это нередуцируемое самосознание служащее основой любого познания¹³.

В классической философии всегда присутствовало понятие основания или субстанции, чего-то первичного, что необходимо существует, объясняя или фундируя явления. Эта ключевая метафизическая идея могла

¹³ Дьяков А.В. Постструктурализм как феномен истории философии: дис. ... д-ра филос. наук. — СПб., 2009. — 420 с

предполагать несколько начал(монад), две *res extensa* и *res cogitans*¹⁴ или как правило единое начало, но самое главное эта идея создает основу для метафизики присутствия.

И конечно необходимо существовала идея объективной истины, полагаемой прежде всего как «*intellectus adaequatio ad rem*¹⁵» то есть как соответствие мысли или суждений действительности, существовала идея о возможности соотнести единственно верным образом наши мысли о вещах и вещи сами по себе.

Важно отметить, что складывание философской традиции Нового времени определялось и экстерналистскими факторами, такими как появление капитализма, индустриального общества и, конечно, взаимообусловлено это было и появлением классической науки, трансформация, которой в гуманитарной сфере займет важное место для развития структурализма и постструктурализма¹⁶.

Эти идеи, и не только, встретят крайнее неприятие среди представителей постструктурализма и породят пространство для творческой критики и преобразования. Вместе с тем уже в самой философии XIX века – начала XX века можно увидеть сильнейший тренд стремящийся преобразовать и преодолеть ее саму, переосмыслить ключевые концепты, это «философия подозрения», к которой относят Ницше, Маркса и Фрейда. Также, к этому течению иногда причисляют Л. Витгенштейна, в особенности позднего периода творчества, который наиболее интересен для постструктурализма.

Суть философии подозрения состоит в том, чтобы усомниться, отнестись с подозрением, в первую очередь, к субъектности, к автономности собственного Я или связанных представлений и не зря именно эти мыслители вызывали наибольший интерес, что особенно видно по творчеству М. Фуко и

¹⁴ Субстанция протяженная и субстанция мыслящая (лат.)

¹⁵ Соответствие разума вещам (лат.)

¹⁶ Костикова А.А. Постмодернизм во Франции: этапы, направления, идеи // Вестник Московского университета. Серия 7. Философия. — 2005. — № 6. — С. 3–19

в целом по тому значению, которым обладала фигура Ницше для постструктуралистов¹⁷.

Ницше предложил огромное множество идей среди, которых генеалогия морали, вечное возвращение, смерть Бога. Сама фигура классического субъекта у него преодолевается, человек не следующий вечным моральным императивам агент, но скорее результат, объективация Воли к власти, а смерть Бога, как источника вечных ценностей означает, что только сам человек, как оригинальный творец может создавать для себя же ценности, они его продолжение, а не путы наложенные слабым на сильного для того, чтобы обуздать его. А идея вечного возвращения, найдет своеобразный аналог в философии Ж. Делеза, ведь вечное возвращение естественно суть не просто повторение одного и того же циклически, это различие, вносимое актом повторения, в котором само повторение различает его акты¹⁸.

Маркс в контексте критики автономности субъекта показателен тем, что свободные сознания редуцируются к общественным отношениям, желания, представления, интенции, убеждения и прочее в сущности своей являются результатом процессов в базисе. Тот самый классический субъект как основа познания и мировоззрения оказывается только побочным продуктом отношений по вопросу производства, распределения и потребления экономических благ¹⁹.

Фрейд и последующий психоанализ развивает очень похожую мысль, он также можно сказать деонтологизирует Я, но делает это уже на уровне психики самого человека, привычное полагание, что наши убеждения и действия принадлежат нашему сознанию небезосновательно критикуются с позиции бессознательного и Сверх-Я, которые в действительности определяют человеческие действия и убеждения, хотя для Фрейда и

¹⁷ Костикова, И.В. Постмодернизм в контексте современной французской философии. — М.: Изд-во МГУ, 1998. — 144 с.

¹⁸ Делез Ж. Различие и повторение / пер. с фр. Н.Б. Маньковской и Э.П. Юровской. — СПб.: Петрополис, 1998. — 384 с.

¹⁹ Альтюссер Л. Идеология и идеологические аппараты государства // Неприкосновенный запас. — 2011. — № 3 (77). — С. 14–58.

характерна довольно классическая установка выраженная в его фразе: «где было оно должно стать Я». То есть он еще предполагал субъективное, сознательное начало как важный компонент мировоззренческой системы²⁰.

Не вдаваясь в подробности философской системы раннего Витгенштейна, для анализа предтеч постструктуралистской мысли можно обратиться к позднему Витгенштейну, который предполагал языковую природу социальной реальности, где существующим «формам жизни» свойственны языковые игры. Где языковые игры — это то, из чего состоит язык вместе с тем, язык не может быть индивидуальным и не может быть субстанциональным, он результат языковых практик, где правила этих практик задаются ими же самими, что выражается в его цитате: «слово живет лишь в момент употребления». Невозможен раз и навсегда созданный язык, который бы определялся объективным истинным отношением к действительности, вместо этого есть игры знаков смысл, значение и адекватность употребление которых определяется лишь самим же экспертными членами языкового сообщества²¹.

Итак, можно констатировать, что уже в развитии философии XIX века и начала XX века можно увидеть предпосылки к тому образу мысли, который в дальнейшем получится название постструктурализма, хотя корректнее сказать, что тогда были намечены проблемные поля и возможные способы критики, некоторых концептов классической философии, критика же, предпринятая представителями постструктурализма будет иметь более разнообразные направления и породит новые концепции.

Как отмечалось, важным процессом, протекавшим в период Нового времени, было становление классической науки, вызвавшее последующую философскую эпистемологическую и методологическую рефлексию. И под наукой понимается систематичный, рациональный способ познания

²⁰ Лакан Ж. Инстанция буквы в бессознательном, или Судьба разума после Фрейда. — М.: Русское феноменологическое общество; Логос, 1997. — 184 с

²¹ Ferry L., Renaut A. French Philosophy of the Sixties: An Essay on Antihumanism. — Amherst: University of Massachusetts Press, 1990. — 233 p.

действительности, с присущей ему строгой методологией, который дает объективное знание как правило, имеющее форму закона, законоподобной или функциональной связи.

В XIX веке наука получила широчайшее развитие классическая Ньютоновская динамика, электродинамика Максвелла, эволюционная теория и генетика, в этот период ученым казалось, что мир практически объяснен, но констатируя успехи науки в этот период речь заходит о науках естественных, то, что именуется гуманитарными науками не было ознаменовано такими успехами.

В методологической рефлексии относительно состояния гуманитарного знания этот факт получил осмысление, состоящее в том, что гуманитарные науки — это знание особого рода и оно сильно отличается от естественных наук. В неокантианстве баденской школы или в философии Дильтея это различие было обозначено как разделение на науки о духе и науки о природе, где вторые как раз представляют из себя номотетическое знание о том, как каузально связаны предметы с помощью законов или регулярностей. А науки о духе представляют из себя знание скорее описательное или понимающее, направленное на проникновение или вживание в интенции, намерения людей, связанных с изучаемой частью человеческого мира. Это различие в методе получило дальнейшие широкие последствия. В науках о человеке или обществе эти споры получили широкое распространение, породив далее, например спор между понимающей и объясняющей социологией²². Все эти факты споров и дебатов в истории гуманитарных наук подтверждают, что в среде самих гуманитарных исследователей ощущалось недовольство состоянием гуманитарного знания, которое выливалось в появление новых парадигм или исследовательских программ вроде

²² Куренной В.А. Исследовательская и политическая программа культурных исследований // Логос. — 2012. — № 1. — С. 14–64.

функционализма. И одним из таких ответов на состояние гуманитарного знания стал структурализм²³.

Структурализм можно определить как широкий подход в гуманитарных науках, направленный на изучение структур и использование для этого лингвистических моделей. Как говорилось, в отличие от наук о природе в гуманитарных науках не удавалось найти и сформулировать законы и закономерности. Вместо этого в иных подходах чаще всего акцент ставился на том, что предмет исследования определяется другим, функцией, намерением или генезисом (историей) и значит исследование должно быть сосредоточено на этом. Структурализм же постарался найти эти закономерности в структуре и тогда знание гуманитарных наук также должно приобрести научный характер и путь к этому структура, которая определялась в том числе как инвариант в вариациях. Подобно тому как в физике законы имеют своим основанием фундаментальные симметрии, в обществе должны существовать своеобразные схожие связи обосновывающие апостериорные необходимости или научные законы. Добиваться этого подход хотел тем, чтобы рассматривать само общество как символическую систему. Так структурализм дал импульс к реорганизации общественных наук и попытался провести научную революцию в гуманитарном знании²⁴.

Ключевым понятием для структурализма является понятие структуры, определить ее можно как устойчивую совокупность связей, обеспечивающую постоянство системы. Эта совокупность также обеспечивает способность воспроизводства благодаря своей постоянности или динамичной постоянности. То есть существование предмета зависит не от субстанции этого предмета или его генезиса, а от того, как образованы внутренние связи, их инвариантность. Можно сказать, что один из центральных тезисов

²³ Автономова Н.С. Открытая структура: Якобсон — Бахтин — Лотман — Гаспаров. — М.: РОССПЭН, 2009. — 503 с.

²⁴ Дьяков А.В. Постструктурализм как феномен истории философии: дис. ... д-ра филос. наук. — СПб., 2009. — 420 с

структурализма состоит в том, что отношения между элементами преобладают над самими элементами.

С помощью этого ключевого понятия давалось объяснение всем социальным процессам, прежде всего тому почему существуют закономерности и как их можно найти. Социальные науки как предполагалось нашли основания для объективных законов, подобных тем, которые можно найти в естествознании. А многообразие явлений человеческого мира, которое раньше предполагалось только описать объясняется внутренними глубокими и бессознательными основаниями²⁵.

Истоки структурализма как методологической парадигмы гуманитарных наук связаны в первую очередь с подходами в бурно развивающейся в тот период науке лингвистике и смежной семиотике. В контексте исследования структурализма интересен подход Пирса-Морриса, который имеет тесную связь со структурализмом, но содержит иное понимание элемента и отношения, ключевых понятий для понимания структуры. Исследуя знаки и семиозис Ч. Пирс развивает классификацию знаков выделяя знаки символы, индексы и иконы, и для человека наиболее важны как правило знаки-символы, то есть те знаки, которые произвольным образом связаны с денотатом и в этом содержится элемент внутреннего структурного порождения знака различием необходимым языку для семиозиса. Вместе с тем эссенциальной частью подхода, предлагаемого этим семиотическим направлением, является структура знаковых отношений, которая по Ч. Моррису включает знаковое средство, десигнат и интерпретант. Десигнат знака для Морриса означает класс объектов, обладающих определенными свойствами, учитываемыми интерпретатором благодаря используемому знаковому средству. Что означает предполагаемую объективность и субстанциональную важность класса свойств или объектов, которые образуют элемент семиотической системы. То есть в конечном итоге

²⁵ Дьяков А.В. Постструктурализм как феномен истории философии: дис. ... д-ра филос. наук. — СПб., 2009. — 420 с

вступающие в отношения элементы могут иметь определяющее значения для понимания знаковой системы как целого, например, изменение, замена или удаление элемента должна приводить к изменению структуры. И развитие науки о знаках имело решающее значение, вместе с тем, как будет показано далее, непосредственно структуралистская парадигма поставит акцент на отношениях, которые обеспечивают постоянство и устойчивость структуры и вместе с тем ее способность к изменениям²⁶.

Еще один исток структуралистского подхода это лингвистическое направление – копенгагенская школа глоссематики и ее основоположник Луи Ельмслев. И этот мировоззренческий исток важен для истории структурализма и постструктурализма своей основной идеей, которая состоит в том, что первичны именно отношения между элементами языка, а сами элементы вторичны и определяются структурой. В языке, понимаемом как формальной системе важна прежде всего эта самая форма. Элементы всецело детерминируются как точки пересечения отношений. Эти отношения бывают трех типов: детерминация, констелляция и взаимная детерминация. Взаимная детерминация особенно показательна, в ней конкретный элемент и его свойства определяются тем, что он не может существовать без другого и им не является, что напоминает развиваемую в будущем эссенциально важную для структурализма идею о различении, где элементы задаются их взаимной различимостью²⁷.

Можно сказать структурализм будет двигаться к пониманию структуры как отношений без *relata* (того, что соотносится) или скорее, как отношений чьи взаимодействия и порождают элементы, вступающие в отношения, формирующие структуру. В этом смысле можно сказать, что отношения важнее чем внутренние свойства элементов, элемент может быть заменен или

²⁶ Куренной В.А. Исследовательская и политическая программа культурных исследований // Логос. — 2012. — № 1. — С. 14–64.

²⁷ Автономова Н.С. Открытая структура: Якобсон — Бахтин — Лотман — Гаспаров. — М.: РОССПЭН, 2009. — 503 с.

удален, но структура обладает способностью пережить это изменение, не потеряв ключевых свойств и функций.

Главным историческим истоком структурализма была структурная лингвистика Ф. де Соссюра. Он стал представлять язык как знаковую систему, которая включает в себя означающее и означаемое. Его взгляд на язык характеризуется как системный (синтаксически) и семиологический. Семиология – это наука о знаках и законах их функционирования. Уже здесь можно видеть широту подхода к языку, предложенную де Соссюром. В его лингвистическом подходе язык есть система знаков. Где система — это совокупность элементов и связей между ними образующих единое целое. Под целым здесь не стоит понимать нечто эмерджентное, структура и отношения определяют элементы, но вместе с тем, это не означает, что невозможно редуцировать исследуемый предмет к известным внутренним отношениям и связям²⁸.

Крайне важным разделением внутри подхода де Соссюра является уже упомянутое разделение на означающее и означаемое. Важно, что означаемое это не внеязыковой референт, а понятие или концепт, то есть семантический элемент языка. Означающее это уже образ как правило акустический, это скорее психическое отражение звучания слова. В его подходе знаковая система формируется на основе произвольных качеств, часто применяемая аналогия — это шахматы, правила по которым идет игра закреплены и необходимы для того, чтобы игра состоялась, но вместе с тем они могли бы быть и совершенно другими, они результат конвенции. Так и не никакой необходимой связи между означающим и означаемым или тем, как построены корреспондентные отношения. Отсюда следуют важные следствия и можно сказать принципы, основания лингвистического подхода де Соссюра. Первый принцип связан с произвольностью знака, как говорилось нет необходимой связи между элементами, нет естественной или логической причины, чтобы

²⁸ Соссюр Ф. де. Курс общей лингвистики / пер. с фр. А.М. Сухотина. — М.: Эдиториал УРСС, 2004. — 256 с.

связь между конкретными означающим и означаемым была именно такой какая она есть, связь появляется скорее в силу конвенции или случайности, так как язык есть система знаков, используемая в обществе²⁹.

Второй принцип можно обозначить как линейность означающего, означающее как образ имеет темпоральные характеристики, оно необходимо разворачивается во времени и имеет длительность, соответственно и элементы в целом образуют последовательность, что предопределяет форму восприятия и способы построения элементов языка.

Стоит отметить, что все это применимо к языку главному медиуму человеческой деятельности, помимо языка де Соссюр выделял речь, которая отличается спонтанностью, случайность, спорадическим и индивидуальным характером, в это же время язык есть застывшая система, продукт общества готовый к использованию.

Говоря, что язык суть застывшая система необходимо прояснить, что для языка де Соссюр выделял способы исследования: диахрония и синхрония. Диахронически изучая язык мы концентрируемся на его истории и протяженных во времени изменениях, однако предпочтение структурализмом отдается именно синхронии, подлинное исследование согласно подходу возможно для формальной модели, в которой поддаются анализу внутриязыковые отношения.

Итак, в знаковой системе ключевое место занимает различие, что будет крайне важно для последующих постструктуралистов, соотношения между означаемым и означающим случайно заданы экстралингвистическими факторами, но значимость понятий внутри языка проистекает из их способности различаться, только благодаря этому возможно функционирование самой системы знаков.

Подход де Соссюра уже является структуралистским, но он вдохновил и другие смежные течения, прежде всего в лингвистике, например, Пражский

²⁹ Соссюр Ф. де. Курс общей лингвистики / пер. с фр. А.М. Сухотина. — М.: Эдиториал УРСС, 2004. — 256 с.

лингвистический кружок. Самому структурализму также предшествовал и Московский лингвистический кружок, также интересовавшийся формальными методами исследования³⁰.

Такой подход демонстрировал продуктивность и давал надежду на нахождение объективного знания в гуманитарной науке. В первую очередь это проявлялось в лингвистике, где построение формальных систем кажется более выполнимой задачей. Примером является закон Гримма, он появился еще до периода структурализма и демонстрирует скорее исторические изменения, но эта склонность проявить один класс фонем, а не иной показывает то, что объективные закономерности соотношения фонем вполне установимы и подчиняются более глубоким причинам³¹.

Формальный подход означает, что изучаемый предмет определяется в большей степени формальными синтаксическими связями чем субстратом или иначе элементами. Внутренние отношения и их постоянство задают основу закономерностей функционирования языка как символической системы и то, что можем быть прочитано как символическая система. И этот подход получил свое распространение во многих науках об обществе. Крайне наглядно применение в филологии, В. Пропп в «мифологии сказки». Пропп устанавливает, что для всех сказок существует общая основа, структура, которая реализует себя в разных вариациях, с сохраняющейся группой симметрий. Сказки однотипны, элементы сказки или действующие лица суть функции и количество функций ограничено, этим определяется сказка, а не персонажами и их субстантивными свойствами. Сказка определяется не ими, а функциями персонажей в ней и их последовательностью в художественном произведении³².

³⁰ Автономова, Н.С. Философские проблемы структурного анализа в гуманитарных науках. — М.: Наука, 1977. — 271 с.

³¹ Ельмслев Л. Прологомены к теории языка / пер. с англ. Ю.К. Лекомцева // Новое в лингвистике. Вып. 1. — М., 1960. — С. 264–389.

³² Автономова Н.С. Открытая структура: Якобсон — Бахтин — Лотман — Гаспаров. — М.: РОССПЭН, 2009. — 503 с.

Для языка в наибольшей степени характерен формальный характер, то есть предопределённость формой. Показателен пример, который приводил отечественный лингвист Щерба: «Глокая куздра штеко будланула бокра и курдячит бокрёнка». Безусловно семантически это предложение не несет никакого смысла. Однако основываясь на знании закономерностей, по которым существует система знаков, в данном случае естественный русский язык с определенными синтаксическими правилами мы можем формулировать определенные выводы о частях предложения, выходящие за границы фонетики, например, что куздра это одушевленный субъект, совершающий действие булдануть³³.

Структурализм получил широкое распространение и подобные закономерности, когда, казалось бы, можно увидеть только многообразие гетерогенных феноменов на самом деле скрывают за собой строгие закономерности нашли применение или попытку применения во многих сферах. И увидеть реализацию этого подхода в наиболее последовательной форме можно у философа и антрополога К. Леви-Стросса, который и стремился сделать гуманитарное знание по-настоящему научным, подход его можно назвать структурной антропологией. Описанные лингвистические методы он применил к обществу.

Целью исследований Леви-Стросса было выявить универсальные законы или иначе структуры для анализа социальных и культурных явлений. В первую очередь конкретные эмпирические факты важны не сами по себе для описания, они суть результат глубокой бессознательной структуры, набора отношений, и задача антрополога перейти к этой бессознательной системе отношений. Для него характерно еще более сильное утверждение, что в основе культур лежит единство мышления, категории и понятия мышления универсальны для всех людей и свойственны любому обществу, в том числе первобытным, и результаты полученные на первобытном обществе

³³ Автономова Н.С. Открытая структура: Якобсон — Бахтин — Лотман — Гаспаров. — М.: РОССПЭН, 2009. — 503 с.

переносимы и на иные общества, по мысли Леви-Стросса, что логично, ведь если закономерности выполняются в ряде локальных сообществ, то при достаточно большой выборке экстраполировать результаты можно и на большие группы³⁴.

Ключевое, что структуралистом Леви-Строссом было установлено для мышления человека в его универсальном аспекте на основе антропологического анализа – это бинарные оппозиции. По его мысли когнитивный аппарат человека устроен таким образом, что познавать мир психика человека способна только через пары контрарных понятий. Эти понятия организуют мышления, но вместе с тем создают своеобразный конфликт, разрешение которого происходит вовне, в культуре, такими оппозициями являются природа/культура, сырое/приготовленное, свой/чужой и другие. Разрешают эти противоречия мифы, в этом их ключевая функция.

Что еще интереснее для анализа функционирования структуры как набора отношений, не так важен конкретный индивид, как элемент общества, важнее правила функционирования или структуры, что он старался показать, исследуя экзогамию, то есть обмен женщинами у первобытных племен. Причем, повторимся, обмен суть способ установления связи, можно сказать, что не важно это женщины как элементы обмена передвигаются между стационарными структурами, за точку отсчета можно выбрать и их, важнее элементов системы образованные ими отношения. Что установимо как формальное правило, то есть образ имеющихся правил, для исследования первобытных обществ Леви-Стросс даже привлекал Вейля для применения теории групп, показательно в контексте значимости отношений и множеств, над которыми они устанавливаются³⁵.

Структурализм как предшествующий этап Декомб охарактеризовал следующими утверждениями:

³⁴ Леви-Стросс К. Структурная антропология / пер. с фр. В.В. Иванова. — М.: ЭКСМО-Пресс, 2001. — 512 с

³⁵ Леви-Стросс К. Структурная антропология / пер. с фр. В.В. Иванова. — М.: ЭКСМО-Пресс, 2001. — 512 с

- 1) Означающее предшествует означаемому. Формальные правила языка предшествуют содержанию сообщения и могут определять его и возможный опыт.
- 2) Смысл возникает из бессмыслицы.
- 3) Вместо означающего говорит язык. Субъект не способен переопределить язык и всегда оказывается интегрирован в него, не имея другого инструмента для коммуникации будучи всегда в состоянии коммуникации³⁶.

Итак, появлению постструктурализма предшествовала долгая история развития классической философии, в которой выкристализовались понятия субстанции, истины и субъекта. И именно этот метафизический багаж предопределял реакция на него. Вместе с этими процессами в интеллектуальной культуре быстро развивалась гуманитарная наука, которая остро нуждалась в методологической парадигме, которой и выступил структурализм, но вместе с тем он не был избавлен от внутренних противоречий.

1.2 Сущность постструктурализма

Истоки постструктурализма можно найти в реакции на предыдущую традицию. Середина XX века отмечена большим влиянием структурализма. Исторически сам этот период характеризуется ростом урбанизации, двумя мировыми войнами и последующей разрухой, крахом политических режимов и экономическими кризисами. Все эти политические, социальные и экономические трансформации не могли не вызвать изменений в системе ценностей общества, в том числе интеллектуальной культуре и мысль постструктурализма появилась в том числе в рефлексии о всех этих событиях. Сознание исторического груза не могло не влиять на то, как мыслить сейчас, что Лиотар выразил во фразе: «философствовать после Освенцима»³⁷. Что и

³⁶ Dosse F. Histoire du structuralisme. Tome 1: Le champ du signe, 1945–1966. — Paris: La Découverte, 1991. — 522 p.

³⁷ Лиотар, Ж.-Ф. Состояние постмодерна / Пер. с фр. — СПб.: Алетейя, 1998. — 160 с.

порождало последующее недоверие и критику метанарративов, таких как гегельянство, марксизм, христианство, то есть фундаментальных повествований предполагающих набор основополагающих смыслов, объясняющих иные более малые истории.

Как говорилось выше постструктурализм исторически это прежде всего критическая реакция на предыдущее направление – структурализм. И критический характер возник, по-видимому, из того, что сам структурализм не мог достаточно последовательно реализовывать собственные методологические регулятивы. Как правило для философского течения или парадигмы гуманитарного знания наиболее опасной является внутренняя критика показывающая некогерентность интеллектуальной системы. Так, и в структурализме можно обнаружить трудности и внутренние противоречия, не дающие структурализму оставаться программным направлением гуманитарных наук³⁸.

С точки зрения постструктурализма предшествующее направление содержит неразрешимые или почти неразрешимые трудности, или такие положения, которые может и продуктивны и в дальнейшем будут находить место у самих постструктуралистов, но не согласуются с самими основополагающими принципами структурализма. К утверждениям, которые являются противоречивыми или выглядят такими для постструктуралистов можно отнести:

- Обнаружение сущности, структуралисты предполагали наличие сущности, но в пределе различающихся явлений нельзя найти необходимую сущность.
- Игнорирование истории, с одной стороны акцент на синхронии позволял находить долгожданные закономерности, но игнорирование генезиса вело к тому, что ответ на вопрос о возникновении структуры упускался из вида.

³⁸ Ильин И.П. Постструктурализм. Деконструктивизм. Постмодернизм. — М.: Интрада, 1996. — 256 с.

- Дихотомичность. Положенные в основу структурализма бинарные оппозиции не позволяли отразить все многообразие общественных отношений.
- Объяснение всех свойств знаков системы дифференциально, в структурализме все о знаке объясняется через его соотношения с другими знаками, как в аналогии с шахматами, где все свойства фигуры важны только в соотношении с другими фигурами внутри игры, то есть в сети отношений. Так, определяются и любые понятия в общественных системах, например, в этических системах зло есть то, что не есть добро и добро есть то, что не является злом. Хочется предположить, что должно быть что-то еще в этой системе, даже если оно совершенно случайно. И индетерминизм с появлением квантовой механики и неклассической науки стал более приемлемым и для исследователей-гуманитариев³⁹.
- Самое главное, что структура не удерживается в себе и переходит в другую, чему сложно найти объяснение внутри структурализма.

Главным направлением критики понятия структура было несогласие с тем, что структуралисты полагали исследуемую структуру вне предмета, она организует некоторое пространство сама не будучи его частью, упорядочивая некоторую множественность она не должна быть частью этой множественности, что в глазах постструктуралистов выглядит избыточно и неоправданно метафизично⁴⁰.

Постструктурализм появляется как то, что, видя эти противоречия и то, пустое пространство, ускользающее в структурализме будет развивать теоретический подход с одной стороны, разовьёт до конца некоторые из тенденций с другой откажется от некоторых намерений окончательно, вроде намерения создать строгую науку.

³⁹ Ставцев С.Н. Введение в философию Жака Деррида. — СПб.: Лань, 2010. — 224 с.

⁴⁰ Ильин И.П. Постструктурализм. Деконструктивизм. Постмодернизм. — М.: Интрада, 1996. — 256 с.

Итак, охарактеризовав основные проблемные точки структурализма, можно перейти к обсуждения характеристик непосредственно самого постструктурализма.

Первой характеристикой постструктурализма, которую хочется отметить это деантропологизация и элиминирование субъекта. В классической философии как было видно субъект – одна из ключевых категорий, он автономен, рационален и является центром сознания. От постструктуралистов можно услышать лозунги вроде «смерти автора» и непосредственно «смерть субъекта». Субъект если давать ему определение и вообще говорить о том, что он есть для постструктуралистов есть конструкт, создаваемый внешними силами: дискурсом, властью или языком. Отчетливо эта идея выражена в высказывании Бенвениста: «субъект конструируется в акте говорения, где обретает свое “Я”, которое он соотносит с субъектом высказывания»⁴¹.

Субъект есть эффект внешних сил, его идентичность конструируется, в отличие от централизованного отношения, занимаемого им в классической философии. Также, есть бессознательные системы, разные авторы ставили на первое место различные системы: социальные системы, бессознательное, экономику.

Постструктуралист Р. Барт провозгласил смерть автора тезис, который также релевантен и показателен для этого проявления постструктурализма. В нем провозглашается, что автор как свободно творящая инстанция более не существует. На смену ему приходит понимание автора скорее, как *scriptor*, который обособлен от текста. Текст есть система знаков, к которой намерения автора и контекст произведения не имеют отношения, допустить единственность смысла, вложенного автором, означало бы, что существует одна единственная интерпретация. Текст открыт к интерпретации, в то время как авторство в классическом смысле предполагало бы единственный смысл. Но здесь важнейшее следствие, вдохновленное реакцией на предшествующую

⁴¹ Дьяков А.В. Постструктурализм как феномен истории философии: дис. ... д-ра филос. наук. — СПб., 2009. — 420 с

эпоху репрессивных нарративов то, что автор обособляется от авторитета, смертью автора оплачено рождение читателя⁴². Эссе Барта, которое еще можно отнести к структурализму, вдохновило Ж. Деррида с еще более далекоидущим тезисом о том, что уже сам субъект есть продукт языка, структуры языка наперед определяют то, как говорить субъекту и что в принципе может быть сказано⁴³.

М. Фуко показывает историческую обусловленность понятия субъекта. Это понятие стало возможным только с появлением институтов, таких как клиника, тюрьма и практик вроде медицинских или юридических, которые и сделали возможным субъекта, заставив его родиться. И эта критика субъекта уже ставит под сомнение возможность объективной не обусловленной культурно и исторически способности к самоидентификации, что не означает, что нет человека с его способностью к самосознанию, но эта способность проходит в границах, определяемыми институтами и практиками эпохи, что прослеживается с помощью генеалогии субъекта М. Фуко⁴⁴.

Ж. Делез заменяет субъекта на тело без органов, вместо стабильной инстанции *cogito* приходит актуальный и потенциальный планы действительности с набором резко меняющихся свойств, это быстроменяющиеся наборы интенсивностей. Философию Делеза, помимо аналогий с Ницше, можно в определенной мере возводить к философии Канта, так как Делез также интересуется априорными условиями опыта, но в отличие от потенциально возможного опыта, Делеза интересует конкретный опыт. И если для большинства постструктуралистов построение онтологии было скорее историческим артефактом, то Делез пытается построить деантропологизированную онтологию, конечный итог критического потенциала постструктурализма по отношению к понятию субъекта. Где

⁴² Барт, Р. Избранные работы: Семиотика. Поэтика / Пер. с фр. — М.: Прогресс, 1989. — 616 с.

⁴³ Деррида Ж. Письмо и различие / пер. с фр. Д.Ю. Кралечкина. — М.: Академический проект, 2000. — 430 с

⁴⁴ Дьяков, А.В. Мишель Фуко и его время. — СПб.: Алетейя, 2010. — 672 с.

субъект, как и многие другие классические понятия заменяются номадическими сингулярностями то есть онтологическими индивидуальностями не имеющими четкого положения в пространстве и появляющиеся как кратковременное проявление интенсивных взаимодействий⁴⁵.

Подытоживая, можно сказать, что субъект-объектные отношения мыслятся как оппозиция, для которой нужно вскрыть ее историчность и репрессивный характер. Однако, важно, что постструктурализм — это не чистый нигилизм, проблематика субъекта не исчезает бесследно, но происходит уход от концепции централизованного, абсолютного субъекта и постструктуралисты переходят к субъекту, имеющему свой исторический и культурный контекст и собственную генеалогию.

Другая характеристика постструктурализма состоит в дискурсивности. Дискурс – многозначное понятия сложно поддающееся определению, но пытаясь дать максимально обобщающее понятие можно сказать, что дискурс есть структурированная совокупность высказываний с присущей ей типом рациональности и набором экстралингвистических факторов. В условиях смерти субъекта акцент исследователей смещается на дискурс, который становится одним из главных инструментов анализа, в том числе то, как дискурсом конструируется субъект и как он опосредует знание и власть, концепции, непосредственно связанные с понятием дискурса⁴⁶.

М. Фуко был вероятно тем, кто внес основной вклад в развитие понимания понятия дискурса, под которым он понимал системы практик и правил, не только лингвистических, которые определяют, что можно говорить и, как и о чем можно говорить в широком смысле в определенный временной промежуток в определенном контексте. Дискурс занимает ключевое положение ввиду его роли в системе функционирования общества, дискурс

⁴⁵ Делез Ж. Логика смысла / пер. с фр. Я.И. Свирского. — М.: Академический проект, 2011. — 472 с.

⁴⁶ Фуко, М. Воля к истине. По ту сторону знания, власти и сексуальности / Пер. с фр. — М.: Касталь, 1996. — 448 с.

формирует объекты, то есть все то, что доступно для восприятия и познания, те понятия, которыми структурируется социальная реальность, например, «безумие» как категория, которая имеет медицинские следствия в виде методов лечения. И эти правила, и практики имеют исторический характер и образуют исторические формации, то есть специализированные и исторически обусловленные дискурсы, как допустим, медицинский дискурс XVII века исследуемый Фуко⁴⁷.

Так, дискурс это автономный и существующий по своим правилам набор практик, который важен тем, какое место он занимает, а именно определяет, что может потенциально быть воспринято как истина и, что вообще может стать объектом социальной реальности. Это не означает, что нет объективной действительности помимо языка, но вместе с тем, нет такой части действительности о которой могла бы идти речь и для нее не было бы дискурса, когда наука исследует, что-либо она конструирует это как часть дискурса. Также, следовательно, и невозможен прорыв к референту понятия, так как за границей любого объектного дискурса может быть только иной дискурс.

Далее, мысль постструктурализма характеризует конструктивизм. Социальный мир можно понимать как постоянно складывающееся и изменяющееся дискурсивное поле. Если структурализму было свойственно представление о неизменных универсальных структурах в культуре и обществе то, постструктурализм в какой-то мере переворачивает это представление, вместо предположения о структурах лежащих глубоко в основе приходит представление о том, как все эти структуры конструируются. Социальный конструкт – это нечто, что существует постольку, поскольку мы верим в существовании этого нечто. Соответственно отсюда и положение о значимости дискурса, как катализатора процессов конструирования объектов социальной действительности и категорий, определяющих представления и

⁴⁷ Фуко, М. Воля к истине. По ту сторону знания, власти и сексуальности / Пер. с фр. — М.: Касталь, 1996. — 448 с.

установки, так как общество функционирует как знаковая система, которая определяется значениями, а они носят языковой характер⁴⁸.

В анализе общества такой анализ был очень характерен для Ж. Бодрийяра, который представлял современное общество потребления как гиперреальность. Социальные объекты подменяются симулякрами, для любых обществ характерно производство и использование материальных благ, но в современном обществе капитал и экономика существуют по законам логики символического, в обществе означающее произвольно и определяется через различение, что вдохновлено лингвистикой де Соссюра, что применимо и к экономике и социальным институтам в целом. Бодрийяр считает, что основу потребления составляет обмен знаками и смыслом, вложенным в обмен, здесь можно провести аналогию с Гегелем отдавая, что-то мы вкладываем в это смысл лишения части себя⁴⁹.

Часто прочтение Бодрийяра состоит в интерпретации его как отрицающего реальность в целом, но скорее Бодрийяр предлагает видение, в котором объекты реальности более не обладают репрезентативностью, но для нас симулякры и составляют общество как систему знаков, где, например экстаз и другие проявления столь же реальны.

Деконструкция и критика логоцентризма являются следующими характеристиками постструктуралистской мысли. Деконструкция – еще один характерный концепт постструктурализма, ассоциируемый прежде всего с творчеством Ж. Деррида. Эта характеристика также находится в тесном переплетении с другими и прежде всего с тезисом о смерти автора и конструктивизмом. Для постструктуралистов текст принципиально означает открытость для интерпретации, что значит, что смысл конструируется в процессе прочтения. Как говорилось постструктурализм обладает сильным критическим потенциалом, который и выразился в переосмыслении

⁴⁸ Бурдье, П. Социология социального пространства / Пер. с фр. — М.: Институт экспериментальной социологии; СПб.: Алетейя, 2007. — 288 с.

⁴⁹ Бодрийяр Ж. Общество потребления. Его мифы и структуры / пер. с фр., послесл. и примеч. Е.А. Самарской. — М.: Республика; Культурная революция, 2006. — 269 с

классических текстов. Исторически деконструкция и берет свое начало в мысленном разрушении теоретического объекта, но она является гораздо большим, на что указывает сама этимология термина. Корень конструкция имеет латинское происхождение и означает строительство, конструирование, возведение и «де» означает обратный характер, то есть это не просто деструкция или разрушение, это конструктивный процесс, который вместе с тем неотделим от процесса разрушения. Истоком понятия деконструкция было понятие М. Хайдегера *destructio* «разрушение», которое предполагало разрушение предыдущей традиции для открытия подлинного скрытого смысла. Такая интенция, очевидно, входит в противоречие со стандартными установками постструктурализма. У Деррида сложно найти четкое и строгое раз и навсегда закрепленное определение понятия деконструкция, однако в общем оно означало продуктивную деятельность по интерпретации, направленную на преодоление вложенного в текст логоцентризма. Логоцентризм суть одно из ключевых свойств классической философии, которое желали преодолеть все постструктуралисты, под логоцентризмом понимается центрирование объекта нарратива, тенденция к тому, чтобы выделить главный элемент и создать саму иерархию смысловых единиц, это структурирование мысли вокруг единого центра, как например, вокруг идеи блага в философии Платона. В целом логоцентризм наполняет нарративы классической европейской философии, он ее характерная черта, и постструктуралисты закономерно видят в этом репрессивный характер, ведь иерархия необходимо подразумевает нижние элементы, те, что подавлены в рамках данной интеллектуальной системы. А значит если это возможно его необходимо преодолеть для чего и появляется деконструкция. Суть ее в переосмыслении содержания текста, в ходе которого можно выделить основные компоненты этого процесса. Сначала предлагается отыскать лежащую в основе бинарную оппозицию, которая включает в себя главное понятие и которая необходимо наличествует с классической точки зрения для осмысленности текста, вокруг главного понятия центрируется текст и есть его

противоположность, понимаемая негативно, как то, благодаря чему мыслим главный термин, вроде духа и материи у Плотина. Вместе с тем этот процесс напоминает диалектику понятий Гегеля, хотя Деррида и пытался максимально противопоставить себя этому подходу. Далее эту бинарную оппозицию необходимо перевернуть, попытаться прочесть текст проясняя как один термин переходит в другой, что становится основой для переосмысления текста и нахождения новых смыслов, и особое внимание в этом прочтении стоит обратить на недомолвки, «следы», существующие в оригинальном тексте⁵⁰⁵¹.

Причем сама языковая практика с точки зрения Деррида становилась инструментом и объектом реализации логоцентризма, продолжением которого является фоноцентризм, как частный случай. Сравнивая со структурализмом, можно вспомнить, что в структурной лингвистике де Соссюр придавал речи спонтанный и более свободный характер, что и является этим проявлением. Письмо несет опасность недопонимания, потери смысла и может не иметь автора, в то время как в речи всегда присутствует говорящий, но помимо этого по Деррида голос говорящего исчезает, создавая исчезающий след, растворяющийся в смысле, который творится в моменте рождения речи. Основные выводы, к которым приходит Деррида это то, что и речь, и письмо не образуют оппозицию и основаны на возможности различения (*differance*) как способности различать и откладывать присутствие смысла⁵².

Так, Деррида пытается производить деконструкцию самого инструмента логоцентризма, того, что является ее непосредственным, видимым следствием. Деконструкция – это широкий набор методов и прием, что больше, чем метод и соответственно он приводит Деррида к далекоидущим

⁵⁰ Автономова Н.С. Философский язык Жака Деррида. — М.: РОССПЭН, 2011. — 510 с.

⁵¹ Деррида Ж. О грамматологии / пер. с фр. и вступ. ст. Н.С. Автономовой. — М.: Ad Marginem, 2000. — 511 с.

⁵² Деррида Ж. Письмо и различие / пер. с фр. Д.Ю. Кралечкина. — М.: Академический проект, 2000. — 430 с

следствиям, а именно к переосмыслению западноевропейской рациональности, логики. У де Соссюра в эксплицитной форме язык разделен на означающее и означаемое, которые оформляются в письме. И Деррида в предложенных размышлениях, по-видимому, пытается произвести деконструкцию логики, тем что деконструкция выявляется знаковое в знаке, где знак и есть само письмо, то есть то, что выступает означающим означающего⁵³.

Постструктурализму свойственны децентрация и широкое применение концепта ризома. В классической философии можно было увидеть концепты являющиеся устойчивыми, стабильными центрами мысли, такие как единое, благо или субъект. По мысли Ж. Деррида эта центрация была характерна и для структурализма, где любая структура предполагает фиксацию на какой-либо центральной точке. И тоже самое характерно для свойственных структурализму бинарных оппозиций, где для одного из терминов существует тенденция поставить его в привилегированное положение. В постструктурализме же происходит отказ от строгих структур с характерным для них центром в пользу множественности смыслов и интерпретаций, центр вытесняется на периферию мысли. Происходит отказ от поиска центрального смысла или идеи, в том числе отказ от единственности истины или принципа Д. Скотта однозначность бытия. Исследуемая система всегда состоит из множества пересекающихся элементов без единого центра. Для структуры, может быть, два варианта либо у нее совсем нет центра, либо у структуры есть множество центров, и она плюральная, но в любом случае мыслимый центр не существует вне системы различий текста⁵⁴.

И наглядным примером децентрированного мышления является концепт ризомы введенный Ж. Делезом и Ф. Гваттари. Понятие заимствованно из микологии и ботаники и используется для описания корневых систем грибов

⁵³ Ставцев С.Н. Введение в философию Жака Деррида. — СПб.: Лань, 2010. — 224 с.

⁵⁴ Гваттари Ф., Делез Ж. Что такое философия? / пер. с фр. и послесл. С.Н. Зенкина. — М.: Институт экспериментальной социологии; СПб.: Алетейя, 1998. — 288 с.

и некоторых растений. Понятие ризома используется для описания системы мысли гомологичной системе общества и знания, которые представляются как не имеющие центра, переплетающиеся, неиерархичные собрания элементов, не имеющие ни начала, ни конца и главное не имеющие принципа положенного в основу этого собрания. Эта аналогия направлена на противостояние классическому представлению, которое сравнивает с древовидной структурой, обладающей единым началом и линейной структурой. Причиной появления этого концепта и является желание противостоять классическим линейным, неизменным структурам. Отметим нужно, что древовидные и ризоидные интеллектуальные системы вынуждено сосуществуют. И этот концепт наглядно демонстрирует преодоление понятия центра и структуры и их замену событийную ткань, имеющую характер ризомы⁵⁵.

Закономерна тут и та онтология, к которой переходит постструктурализм. Хотя в постструктуралистской мысли можно увидеть стремлению к отказу от любой метафизики, для него можно выделить определенную онтологию, которая или имплицитно подразумевает постструктуралистами, или эксплицитно выражается, например, Ж. Делезом. У него можно увидеть развитую философию складки. Нелинейность проявляется и в онтологии, складка это не просто часть географического пространства, а динамичное, постоянно меняющееся сплетение интенсивностей, которое образует материю, мысль, общество⁵⁶.

Другая характеристика постструктурализма, непосредственно относящаяся к истории, это генеалогический проект истории предложенный М. Фуко. Взамен классического линейного представления о развитии общества, приходит представление о разрывах, общества могут образовывать своеобразные формации, через такие рывки, резкие переходы образуются

⁵⁵ 9. Гваттари Ф., Делез Ж. Анти-Эдип: Капитализм и шизофрения / пер. с фр. и послесл. Д. Кралечкина. — Екатеринбург: У-Фактория, 2007. — 672 с.

⁵⁶ Делез Ж. Различие и повторение / пер. с фр. Н.Б. Маньковской и Э.П. Юровской. — СПб.: Петрополис, 1998. — 384 с.

институты эпох или отдельные эпистемы. Соответственно в рамках этого подхода нужно ввести фактор случайности, который должен как-то объяснять переход. Вместе с тем метод предполагает и обращение к эволюции институтов и анализ этот предполагает обращение к дискурсу власти и знания, которые необходимо взаимосвязаны, но сама генеалогия предполагает переход между дискретными состояниями⁵⁷.

Еще одной чертой постструктурализма является отказ от методологий. Для постструктурализма возможно выделить характерные свойства на основании, которых можно говорить о направлении «постструктурализм». Не смотря на наличие определенных программных манифестов постструктуралистов, сама по себе методология ими понимается скорее как исторически обусловленный продукт дискурса, не имеющий объективной необходимости для исследования. У постструктуралистов есть проекты вроде археологии Фуко или грамматологии Деррида, но эти подходы отличаются от классического, формализованного понимания методологии, связанного с концепцией корреспонденции действительности и суждения тем, что они строятся скорее, как филологические или философские. В работе «Что такое философия» Ж. Делез развивает мысль о том, что философия есть творчество концептов несопоставимых между собой, мыслитель занимается тем, что создает планы имманенции, то набор пред-концептов, которые создают поле для творчества и самоорганизации, а следовательно, не может быть одного истинного в классическом смысле подхода⁵⁸.

И во многом ключевой и обобщающей характеристикой постструктурализма является текстуальность. Мир в целом понимается как текст. Текст – это система знаков, принципиально открытая к интерпретации. Открытость подразумевает бесконечный процесс творческого создания и открытия смыслов и значений. Как говорилось выше в тексте не может быть

⁵⁷ Фуко М. Археология знания / пер. с фр. М.Б. Раковой, А.Ю. Серебрянниковой. — СПб.: Гуманитарная академия; Университетская книга, 2004. — 416 с.

⁵⁸ Автономова, Н.С. Философские проблемы структурного анализа в гуманитарных науках. — М.: Наука, 1977. — 271 с.

статичного, неизменного смысла на основании, которого строится текст и вместе с тем смыслы текста появляются под влиянием социальных, культурных и политических факторов окружающих текст.

О постструктурализме можно сказать, что он пытается порвать с классической научной рациональностью и репрессивной по мнению постструктуралистского подхода методологией гуманитарных наук, которые вместе предполагают дихотомию субъекта и объекта. В этот период в методологии науки также появляются подходы Т. Куна, П. Фейерабенда, К. Попера, которые показывают, что наука не состоит только из процедур верификации атомарных суждений. Но постструктурализм заходит дальше, что ведет это течение к довольно радикальным выводам, множественность взглядов и возможных интерпретаций, предполагают отсутствие единой инстанции, такой, как например опыт, единая рациональность, трансцендентальный субъект, обращение к которой могло бы указать на истинное суждение⁵⁹. Что ведет к плюрализму истин или более того, к тому, что понятие объективной истины становится избыточным при характеристике общего вектора мысли представителей постструктурализма, на ее место приходит скорее понятие плана имманенции или эпистемы, которые имеют свои границы применимости и их невозможно использовать для оценки других таких же объектов, что ведет к субъективизму и релятивизму постструктурализма. В свою очередь это означает, что цель научной деятельности больше не должна пониматься как поиск истины в соответствии со взглядом постструктурализма, ведь наука в таком случае суть один из возможных дискурсов. И здесь возникает ключевое проблемное место постструктурализма, а именно парадокс самореференции, ведь относительность любого теоретического результата означает и относительность самой относительности постструктурализма. И хотя от этой трудности очень сложно избавиться, постструктурализм вдохновил

⁵⁹ Хабермас Ю. Философский дискурс о модерне / пер. с нем. М.М. Беляева и др. — М.: Весь Мир, 2003. — 416 с.

небезосновательную критику репрессивных черт современного постструктурализма общества чем в значительной степени повлиял на политическую историю и образование⁶⁰.

Постструктурализм направил свой критический потенциал не просто на предыдущие философские системы, но более того на системность в принципе. Эта критика стремилась избавиться от как можно от большего количества положений, принимаемых как очевидные, и сама эта критика должна стать перманентной в противном случае любая критика без того, чтобы рекурсивно обратиться к себе становится новой метафизикой, что было неприемлемо для постструктуралистов.

Вместе с тем проблематично категорически сказать, что постструктурализм сводится только к критике и разрушению предыдущих интеллектуальных традиций, не неся при этом собственной исследовательской программы или эпистемологической парадигмы. Безусловно постструктурализм — это мировоззрение, несущее позитивные утверждения и способы анализа социальной действительности и практики исследования в области гуманитаристики. Конечно, прежде всего постструктуралистская мысль ассоциируется с такими мировоззренческими позициями как скептицизм, агностицизм, релятивизм и с такими приемами как ирония, пастиш, метапроза, интертекстуальность и, в сущности, нельзя сказать, что характеристика течения с применением этих терминов является совершенно неверной, эти имена действительно передают идейные импликации, следующие из основных положений постструктурализма, но это характеризует только один из аспектов. Упростив, можно сказать, что вся история философии состояла из критики мыслителями нового поколения предыдущих идей, соответственно, и в сам по себе отказе постструктурализма от многих традиционных основоположений нет ничего кардинально нового, что можно охарактеризовать как очередной виток развития. Уже в

⁶⁰ Dosse F. Histoire du structuralisme. Tome 1: Le champ du signe, 1945–1966. — Paris: La Découverte, 1991. — 522 p.

структурном лингвистическом подходе Ф. де Соссюр говорит, что связь между означающим и означаемым носит произвольный характер, что многими интерпретаторами постструктурализма трактовалось как беспорядочность и контингентность, что действительно так, но вместе с тем де Соссюр говорит об абсолютной необходимости самой этой связи, хотя конкретный ее план случаен. То есть он утверждает преобладание нечто над ничто, что значимо и для постструктурализма. Во-вторых, в тех внешне только негативных предложениях, сделанных постструктуралистами содержится вместе с тем новое продуктивное видение исследуемых объектов, при чем видение это отражает мировоззрение времени и культурного контекста его появления. Как показывалось до этого М. Фуко говоря, что субъект умер не утверждает, что человек не обладает самосознанием и нет никакой субъективности или агентности, но прежде всего, что субъект как концепт предопределен институциональным контекстом и дискурсивными практиками его времени или Ж. Бодрийяр говоря о нереальности действительности, не утверждает онтологический тезис о несуществовании референта понятия действительность, а скорее тонко подмечает общественные тенденции связанные с уменьшением значимости репрезентации или репрезентируемого объекта. То есть постструктурализм не просто отрицает, но предлагает парадигму, оказавшую влияние на общественные процессы, в особенности политические.

Итак, исторический и культурный контекст XX века породил критическую рефлексию постструктурализма, требующую радикального переосмысления классических философских категорий, в том числе и предшествующего структуралистского подхода с его тенденцией к наукоцентричности. При этом, частично постструктурализм был оформлен предшествующей традицией. В недрах самой классической философии зарождались тенденции, нашедшие свое яркое выражение в постструктуралистской мысли, и прежде всего речь идет о Ф. Ницше, но также заметно и влияние прежде всего И. Канта и Г. Ф. Гегеля. Но, с другой стороны,

что еще важнее несмотря на определенную преемственность, постструктурализм — это прежде всего радикальная критика и переосмысление, отказывающееся от линейности, тотальности и центрированности предыдущей интеллектуальной традиции. А сам постструктурализм характеризуется деконструкцией, децентрацией, отказом от логоцентризма и пониманием мира как ризоидной знаковой системы, открытой для интерпретаций.

Глава 2. Меняющаяся политическая культура Франции второй половины XX века

2.1 Политическая парадигма постструктурализма и предпосылки для будущих преобразований политической культуры

Политическая история и политическая культура Франции во второй половине XX века была наполнена яркими преобразованиями и важными для дальнейшей истории событиями, это был период глубоких и стремительных трансформаций, во многом именно на идейном и символическом уровнях. В этот период французское общество вступает в эпоху, отмеченную поиском новых политических идей и национальной идентичности на фоне фундаментальных социальных, экономических и культурных сдвигов. Политическая история этого периода в значительной мере характеризуется как история краха идеологий или идеологием и как эпоха революций, но теперь прежние свойственные Франции общественные волнения и политические бунты сменяются скорее такой революцией, которая потрясает основы общественного мышления. В этой связи для исследования закономерно интересна французская интеллектуальная среда, которая именно в этот период в большой мере определяла вектор развития французского общества и политической системы Франции. Интеллектуалы, творившие в этот период, пользовались крайне широкой популярностью и политическим влиянием, выходящим за привычные для французского общества рамки, и инициировали отвечающий запросам времени пересмотр устоявшихся ключевых политических категорий и вели к постепенному переосмыслению обществом важнейших концепций политического, прежде всего власть, государство, идентичность и прочее, а это переосмысление в дальнейшем ведет к изменению политических институтов.

Наиболее известным событием этого периода является «красный Май» 1968 года и во многом это событие является водоразделом в политической истории Франции этого периода. Удобно было бы разделить для исследования вторую половину двадцатого века по этому событию, однако выявляя место

политических идей в этой революции и в целом в трансформации политической системы для исследования предпосылок необходимо обратиться к еще более раннему временному интервалу. Чтобы понять масштаб и значение исследуемых преобразований нужно обратиться к общему политическому плану, который сложился во Франции в самой середине XX века⁶¹.

Исследуемому периоду предшествовала Вторая мировая война и участие Франции в ней, в ходе которой государство оказалось под оккупацией, север и запад Франции были оккупированы напрямую с установлением военной администрации, а на юге было создано государства Виши, активно сотрудничающее с нацистской Германией. В противовес государству Виши была создана организация Сражающаяся Франция, противостоящая оккупации и странам Оси в целом. Так, Франция вошла в список стран победительниц, однако во время войны и оккупации понесла значительные экономические потери, промышленность была в упадке как и большинство других отраслей, но что еще важнее при рассмотрении вопроса о политической культуре можно говорить об определенном расколе французского общества и о том, что последствия второй мировой войны во многом определяли политический ландшафт в первые десятилетия после войны⁶².

В период второй мировой войны во Франции активно действовало сопротивление и по разным оценкам на пике освободительной борьбы к нему принадлежало от 1 до 3 % населения страны и большинство населения разделяли цели сопротивления, но вопрос оценки численности и влияния сопротивления выходит за рамки исследования. Что контекстуально важно в этом вопросе это устройство и политический курс движения сопротивления. И сопротивление во Франции было в значительной мере разнородным, в него входили как группы связанные с консервативными религиозными кругами

⁶¹ Duhamel O. Le Pouvoir politique en France. — Paris: Presses Universitaires de France, 1991. — 439 p.

⁶² Borne D. Histoire de la société française depuis 1945. — Paris: Armand Colin, 2002. — 272 p.

населения, так и радикальные левые. Внутри движения сопротивления выделялась голлисткая ветвь, ассоциированная со Свободной Францией и соответственно генералом де Голлем. И возможно еще более выразительной была роль коммунистов в деятельности сопротивления, они отличились активной агитационной деятельностью против оккупационного режима и вели партизанскую деятельность и непосредственно вооруженную борьбу. Эти факты ведут к тому, что после завершения второй мировой войны именно эти политические силы пользовались наибольшим доверием и можно сказать увеличили свой социальный капитал, в первую очередь это касается коммунистов, увеличивших собственное политическое влияние, в то время как правые были во многом дискредитированы⁶³.

Тема второй мировой войны и ее наследия для Франции осложнена вопросом коллаборационизма и соответственно тем политическим и социальным расколом, который появился в это время и который необходимо будет преодолеть в послевоенный период. Как говорилось, на юге было создано авторитарное, клерикальное, националистическое государство Виши, сотрудничающее с Германией. И это политическое образование получило заметную поддержку, то есть была определенная часть французского общества, политической элиты и не только поддерживавшая идеи Виши, что заметно по тому расколу, который наблюдался среди офицерского состава, когда большая часть колониальных администраций осталась верной режиму Виши, что приводило к боевым столкновениям с союзниками и Сражающейся Францией. Как отмечалось, сопротивление нашло поддержку и среди правых, но большинство монархистов и националистов Франции первоначально благосклонно восприняли создание государства Виши. И здесь важен контраст, французское общество оказалось поляризованным, а государство Виши, нашедшее поддержку части населения на идейном уровне, порывало с традициями французской республики: свобода, равенство, братство. И

⁶³ Рубинский Ю.И. Пятая республика. Политическая жизнь Франции в 1958-1969 гг. — М.: Мысль, 1970. — 376 с.

появление этого режима во французской политической системе и соответствующий политический раскол и моральный компромисс заложили основу для латентного кризиса легитимности ряда традиционных политических институтов, например, армия, часть которой продолжила борьбу в Сражающейся Франции другая часть согласилась с немецкой оккупацией и политическим курсом, выбранным лидерами вишистского режима⁶⁴.

Для политической системы Франции и политической культуры, в частности, описанные предшествующие процессы сказались заметным увеличением влияния левых сил, при падении популярности правых и к проявлению желания ограничить авторитарные формы власти. Стоит отметить, что падение популярности правых сил не означало полного исчезновения и традиционно голлистская партия предстает как правая, но в описанных изменениях прежде важно изменение удельной доли и на долго сохранившийся крен в левую сторону политического спектра свойственный для Франции.

С 1946 ода начинается отчет 4-ой республики, которая просуществует до 1958 года. Сложившиеся предпосылки определили политическую систему Франции, четвертая республика была парламентской республикой. Конституция, принятая на референдуме в 1946 году, устанавливала двухпалатный парламент, избираемый по пропорциональной системе и слабую президентскую власть. Сам президент избирался парламентом и был ответственным перед ним⁶⁵.

Идеологический и партийный ландшафт Франции Четвертой республики определялся разнообразием и многопартийностью. Не было единственной партии способной получить абсолютное большинство в парламенте. Вплоть до мая 1947 года правящая коалиция состояла из союза

⁶⁴ Арзаканян М.Ц. Де Голль и голлисты на пути к власти. — М.: Высшая школа, 1990. — 160 с.

⁶⁵ Рубинский Ю.И. Пятая республика. Политическая жизнь Франции в 1958-1969 гг. — М.: Мысль, 1970. — 376 с.

право и левоцентристских партий, сама коалиция как представляется была сформирована с целью избежать захвата власти коммунистами или голлистами, хотя ввиду фрагментированности партийной системы в коалицию входили коммунисты, которые пользовались наибольшей относительной поддержкой электората. Наряду с коммунистической партией партия социалистов и христианский демократов составляла изначальную основу партийной системы и эти партии образовывали коалицию, но внешняя политика, а именно участие в плане Маршала и вступление Четвертой республике в НАТО привело к выходу коммунистов из коалиции и их дальнейшее неучастие в правительстве. Коммунисты перешли к постоянной оппозиции.

Характеризуя общие социальные и экономические преобразования во французском обществе, можно сказать, что период Четвертой республики связан с увеличением роли государства в экономике и в целом с проведением политики, направленной на построение государства общего благосостояния. К основным реформам этой эпохи относится введение равной оплаты труда для мужчин и женщин, появление минимального уровня оплаты труда, расширение мер социальной поддержки, увеличение влияния государства в экономике состояло в национализации ряда отраслей, таких как угольная, газовая, автомобильная, авиастроительная промышленность и крупнейших банков страны. В стране появился и другой элемент плановой экономики – Генеральный секретариат по планированию экономики, который создавал среднесрочные экономические планы для регулирования экономики. В целом характеризуя экономический климат в стране можно сказать, что национальная экономика активно восстанавливалась и проводились социальные реформы⁶⁶.

Но государственно-территориальное устройство Четвертой республики было источником постоянных кризисов, колониальная империя находилась в

⁶⁶ Рубинский Ю.И. Пятая республика. Политическая жизнь Франции в 1958-1969 гг. — М.: Мысль, 1970. — 376 с.

упадке, вторая половина XX века, а именно 50-ые и 60-ые годы были периодом деколонизации и колониальные войны стали огромным испытанием для республики. Прежде всего речь идет о войне в Индокитае с 1946 года по 1954 год и конечно война в Алжире с 1954 года по 1962 год. Алжирская война вызвала серьезнейший раскол во французском обществе, на самом севере Алжира проживало много французов, и территория считалась национальной, а не просто заморской колонией. Военные действия в этом регионе во многом дискредитировали даже не столько конкретную партию или коалицию сколько действовавший политический режим. Она вела к расколу во французском обществе, где с одной стороны крайне левые выступали за предоставление независимости Алжиру, с другой военные круги были близки к мятежу или военному перевороту⁶⁷.

Говоря об общей характеристике политической системы Четвертой республики необходимо отметить прежде всего ее нестабильность, показателен тот факт, что за период существования Четвертой республики сменилось более 20 правительственных коалиций. Складывалась ситуация демонстрирующая неспособность политической модели республики решать кризисы и принимать политические решения, имеющие долгосрочную перспективу. Катализатором определенно был Алжирский кризис. Но помимо Алжирского кризиса интересен и тот момент, что Четвертая республика строилась с намерением ограничить строгую власть единого авторитета введя парламентские ограничения, а на смену придет президентская модель Ш. де Голля⁶⁸.

В разгар Алжирской войны Национальная ассамблея приглашает Ш. де Голля на пост премьер-министра, и он проводит государственную реформу, которая привела к смене формы правления и установлению президентской

⁶⁷ Чернега В.Н. Буржуазные партии в политической системе Франции. Третья—Пятая республики. — М.: Наука, 1987. — 264 с.

⁶⁸ Рубинский Ю.И. Пятая республика. Политическая жизнь Франции в 1958-1969 гг. — М.: Мысль, 1970. — 376 с.

республики. В октябре 1958 на референдуме была принята новая конституция, что стало концом Четвертой республики.

Можно сказать, что в политической жизни с момента появления Пятой республики до конца 60-ых господствовал голлизм. Голлизм – это политическое течение, предполагающее сильную исполнительную власть, экономический дирижизм и социальный консерватизм. Дирижизм предполагал активное вмешательство государства в экономику при сохранении основ рыночных отношений, как было показано и правительства Четвертой республики проводили реформы ведущие к увеличению роли государства в экономике и прямым интервенциям государства в рыночный механизм. В голлизме социальный консерватизм предполагал защиту традиционных для Франции ценностей, в том числе свободы и прав человека, достижений Великой французской революции, дирижизм предполагал сохранение свобод экономической деятельности, но вместе с тем вмешательство в экономику было направлено на опережающее развитие экономической системы, а не на создание государства всеобщего благосостояния как того желали социалисты. Добиваться этих целей голлизм желал с помощью сильной исполнительной власти, которая должна была при этом сохранять демократичность. Президент в этой новой политической системе должен был стоять над партийными спорами, которые до этого вели к постоянным разладам в партийных коалициях и сменам правительства, его фигура должна была становится символом единства нации и выражать мнение всего населения⁶⁹.

Политика Шарля де Голля определенно дала положительные результаты, в экономике это привело к росту урбанизации, общему экономическому росту, рост промышленного производства составлял около 5% в год и модернизации промышленности, безработица в этот период также была очень низкой, опускаясь в некоторые годы до 2%. Период правления

⁶⁹ Арзаканян М.Ц. Де Голль и голлисты на пути к власти. — М.: Высшая школа, 1990. — 160 с.

Шарля де Голля относится к «славному тридцатилетию», хотя отчитывают его еще с 1946 года, политика французского президента также внесла вклад в реализацию этого экономического феномена. Внешняя политика в этот период также оценивается в позитивных тонах, хотя Франция теряла статус великой колониальной империи, де Голль активно защищал суверенитет и независимость страны, и в этот период Франция сохраняет место лидирующей европейской державы, что как раз и предполагалось голлистами, которые считали Францию одной из ключевых стран для истории западной цивилизации⁷⁰.

Вместе с тем политическая идеология голлизма не господствовала безраздельно, существовали альтернативы, более того при описанных положительных тенденциях в экономике и социальной сфере в начале существования Пятой республики, существовали и противоречия, ставшие предпосылками политических трансформаций. К такому противоречию можно отнести балансирование политической системы наблюдаемое с конца 1940-ых годов между антиавторитарными тенденциями и усилением исполнительной власти. При Шарле де Голле как раз сложилась политическая ситуация сильной исполнительной власти, который отправлял власть достаточно авторитарными методами и монополизировал право на определение национальных интересов и можно сказать формирования вектора развития французского общества. К этому добавлялась растущая бюрократизация множества сфер жизни общества и формирование жесткой иерархии в университетах, что будет описано далее и на предприятиях в противовес предыдущим трудовым коллективам на экономических предприятиях⁷¹.

Также, как отмечалось экономика в период славного тридцатилетия росла быстрыми темпами, но на фоне этого и вместе с формированием

⁷⁰ Арзаканян М.Ц. Де Голль и голлисты на пути к власти. — М.: Высшая школа, 1990. — 160 с.

⁷¹ Рубинский Ю.И. Пятая республика. Политическая жизнь Франции в 1958-1969 гг. — М.: Мысль, 1970. — 376 с.

информационного общества, которое определялось техническим прогрессом сложилось также общество потребления.

Нельзя сказать, что существует связь между голлизмом и обществом потребления, скорее это складывалось как раз на фоне, но процессы его складывания очень важны для понимания политических процессов исследуемого периода.

Общество потребления – это состояния общества, когда потребление товаров и услуг становится центральной деятельностью большинства членов общества, где потребление удовлетворяет потребности, так как экономические возможности растут вместе с ростом экономики, но более того, потребление определяет социальный статус человека. Важными становятся мода и роскошь. И ключевое здесь понятие потребление не сводится к простому использованию и расходованию материальных благ, потребление в новом виде общества становится категорией знакового обмена, в этом обмене задаются социальное положение человека, его место и задаются смыслы человеческой деятельности⁷².

Другой тенденцией, определяющей изменения в политической культуре и политической системе это увеличение влияния интеллектуалов на политические процессы. Можно сказать, что голлисты которых традиционно относят к правым определяли политический курс страны и ключевые политические институты до 1968 годов, но интеллигенция зачастую тяготела к левым политическим ценностям и способствовала их распространению особенно среди молодежи. В период 1950-ых, 1960-ых складывалась политическая парадигма постструктуралистов, новый взгляд на политическое, который найдет свое выражение в грядущих революционных изменениях в обществе.

Одним из наиболее широко известных и влиятельных мыслителей этой эпохи был Ж. Лакан. Хотя Лакана традиционно относят к структуралистам,

⁷² Бодрийяр Ж. Общество потребления. Его мифы и структуры / пер. с фр., послесл. и примеч. Е.А. Самарской. — М.: Республика; Культурная революция, 2006. — 269 с

как минимум на протяжении большей части его творчества, поздние этапы характеризуют как относящиеся к постструктуралистскому подходу, его философия или вернее психоаналитическая теория сильно повлияла на постструктуралистов, в том числе на Ж. Делеза и Ф. Гватарри, которые посещали его семинары.

Лакан получил популярность в академической среде Франции благодаря его переосмыслению фрейдистской концепции, а именно благодаря отказу от биологизаторской позиции. Кратко характеризуя теоретическую систему Лакана можно сказать, что бессознательное занимает центральное положение в структуре психики человека и оно связано с символическим порядком. Лакан выделяет реальное, символическое и воображаемое. Воображаемое возникает на стадии зеркала (6-18 месяцев) когда ребенок узнавая себя как Другого по сути проходит отчуждение, само воображаемое суть собрание фантазий, образов, иллюзий, где рождается целостный образ единого «Я». Символическое состоит из норм культуры, общества, правил языка, это структура, предшествующая индивиду, внешний порядок в который должен встроиться человек. И реальное суть то, что не может стать частью символической системы, что-то не поддающееся представлению и проявляющееся только в симптомах или разрывах символического. Самая важная здесь идея состоит в упорядоченности бессознательного символическим. Или можно сказать, что бессознательное структурировано как язык. То есть бессознательное по сути своей относится к культуре, к социальной, надиндивидуальной сфере. Но, что касается нашей самости, где находится субъект? В этом подходе субъект разорван и отчужден, в символическом человек отчужден от своих подлинных желаний и не способен прорваться к реальному⁷³.

Сложно согласиться со всеми положениями Ж. Лакана несложно представить, что сознание может быть упорядочено как язык, как это,

⁷³ Дьяков А.В. Жак Лакан. Фигура философа. — М.: Территория будущего, 2010. — 560 с.

например в гипотезе Сепира-Уорфа, но сложнее дело обстоит с бессознательным, никогда не данным к отчетливому анализу структуры. Бессознательное не может быть символически структурированным в виду того, что оно дано скорее, как предел мыслимого. Во избежание упрощения Лакана в этом коротком обзоре нужно сказать, что сам он не проводил отношения тождества бессознательного и языка.

Лакан сильно повлиял на гуманитарные науки и, в частности, на антропологию и политологию. Многие постструктуралисты приняли или переосмыслили многие из концептов, и что здесь важнее всего появляется идея, что власть – структурная разметка человеческой психики.

Постструктуралисты создают новую систему идей, которая будет идейной основой политических преобразований. Необходимо рассмотреть основные политические концепции.

Ф. Гваттари и Ж. Делез переосмысливают желание замечая в нем производственную, продуктивную силу. Это не субъективное переживание недостатка чего-то что потенциально представимо в рамках существующей структуры, а обладающая творческой способностью перспектива. И соответственно желание по своей сути революционно, не просто предпосылка революции, а само революционное преобразование. А общество как правило кодирует, перенаправляет и подавляет его и по тому проявляет репрессивные тенденции. Отталкиваясь от мысли Лакана должно предположить, что желание кодируется обществом и его символической организацией продолженной в бессознательном. Это должно было бы предположить общую гомогенность политической сферы, но как предполагает Гваттари бессознательное как индивидуально, так и интериндивидуально и есть группы разнородных политических групп, со своими политическими языками, и например, языки ленинистов и фашистов взаимно непереводимы, то есть

можно сказать существуют разные бессознательные, и у капитализма, в частности, есть свое бессознательное⁷⁴.

Во второй половине XX века и сейчас распространено мнение, что общество становится все свободнее, но постструктуралисты нашли этому опровержения. М. Фуко подмечает продуктивный характер власти. Если до этого власть мыслилась только как способность направить действия другого даже вопреки его воли, то у Фуко власть это повсеместная активность, пронизывающая все общество. Ранее монарх, правитель, князь, президент, аристократ любой иной авторитет мыслился как источник власти, ее отправитель, но Фуко вскрывает, что это только результат власти, это ее внешнее проявление.

М. Фуко изучает генеалогию современного общества и говорит о генезисе дисциплинарного общества и его практик. В средние века не существовало развитой бюрократии, аппарат принуждения и управления не был способен контролировать все отклоняющиеся формы поведения и управление обществом основывалось на страхе, казнь имела театральные характер и была направлена на подавление и запугивание. Технологии развивались, усложнялся государственный аппарат. Кроме того, в Средние века еще существовала идея универсальной империи, государи полагали возможным, например европейской христианской империи, но Версальский мир 1713 года положил конец таким намерениям со стороны правительств, и границы государств становятся непроницаемыми и за невозможностью обеспечивать экстенсивный рост правительства приходят к необходимости интенсивного развития своих ресурсов, к которым относится население, чью продуктивность нужно стимулировать и контролировать. В XVIII – XX веках появляется дисциплинарное общество. В нем власть это скорее технология и ткань общественных отношений. Теперь наказание — это не театр, а инструмент нормализации поведения человека. Власть производит

⁷⁴ Гваттари Ф., Делез Ж. Тысяча плато: Капитализм и шизофрения / пер. с фр. и послесл. Я.И. Свирского. — Екатеринбург: У-Фактория; М.: Астрель, 2010. — 895 с.

послушание, и главный метод состоит в создании институтов с постоянным контролем и строгой дисциплиной, к ним относятся: фабрика, тюрьма, больница, школа. И для их действия Фуко использует модель-анalogию – паноптиком, тюрьма смоделированная одним из центральных мыслителей либерализма И. Бентамом, где из-за центрального положения надзирателя у заключенного создается ощущение что его могут наблюдать в каждый момент, что хоть и невозможно, но невозможно и знать, когда наблюдают и это заставляет человека дисциплинировать себя самого⁷⁵.

По мысли Фуко не существует представления до знания, нет никакого изначального опыта. Есть сообщаемое знание и есть язык, которым передается сообщение и власть, создающая дисциплину, состоит в том, чтобы определять, что может быть сказано. Объект, где гнездится власть это язык. И в этой связи появляется концепция знания-власти, они неразрывны и власть состоит в том, чтобы определять границы нормального или границы истинного. Для обеспечения их неразрывности власть изолирует Другого, на фоне которого конструирует себя знание. М. Фуко ставит диагноз западной цивилизации – невроз диалектики, то есть состояние, когда разум и не-разум сосуществовавшие до прихода дисциплинарного общества вступают в противоречие и одно подавляет и исключает другое. Для примера можно взять английские Бедхаусы, куда помещались безумцы вместе с преступниками или нищими, то есть безумие стало не индивидуальным психическим расстройством, а стало проблемой общественного порядка.

Современное общество не разделяет истины и политики, особенно когда речь касается биополитики то есть воздействия на все аспекты жизни от здоровья до рождаемости. Это все часть гувернаментальности (*gouvernementalité*), то есть совокупности лингвистических и внелингвистических норм, диспозиций и практик делающих членов общества послушными или эффективными для общественной системы. Для

⁷⁵ Фуко М. Надзирать и наказывать. Рождение тюрьмы / пер. с фр. В. Наумова. — М.: Ad Marginem, 1999. — 480 с.

анализа этой неразрывной связи Фуко использует концепцию «политической экономики истины», которая сводится к: 1) истина она же научное высказывание производится в институтах, 2) истина постоянно симулируется, 3) истина бесконечно производится, 4) производство под контролем, 5) истина – то за что идет любой общественный спор. Фуко считает, что подлинное противостояние такой системе практик, которые и производят истины, в том числе относительно того какой есть политическая борьба, может быть, только уклонение, а не революция. Настоящее противостояние власти может состоять только в избегании, в том, чтобы прятаться в зазорах между дискурсами⁷⁶.

Обратившись к Р. Барту, можно найти схожую мысль, он предлагает выделять энкратические виды дискурса, то есть связанные с властью и акратические, вырабатываемые вне власти. Энкратический таков благодаря своей расплывчатости и аморфности, а акратический вырабатывается против идеологии вопреки власти. Сложно научно подтвердить такое разделение, отталкиваясь от идеи идеологический аппаратов, то есть институтов общества, которые производят идеологии, а попытки противостоять им тоже во многом определяются тем, чему они противостоят. Заметим только, что поэтому Барт концентрировался на борьбе семиологическими средствами. Но мы фокусируемся на влиянии течения на общественные процессы, и Барт здесь также поддерживает идею формирования избегающего дискурса⁷⁷.

Ж. Бодрийяр анализирует власть и подобно Фуко заключает, что власть не есть однонаправленное действие, в современном обществе не верно мыслить ее как прямое принуждение, скорее властью является совокупность кодов управления обменом знаками и симулякрами. Лишенная центра и однонаправленности власть распылена среди симулякров, где даже символический обмен состоит в обращении, вместо передачи ценности. И власть не может быть однонаправленной во многом из-за импловивности масс,

⁷⁶ Фуко М. Археология знания / пер. с фр. М.Б. Раковой, А.Ю. Серебрянниковой. — СПб.: Гуманитарная академия; Университетская книга, 2004. — 416 с.

⁷⁷ Барт Р. Избранные работы: Семиотика: Поэтика / пер. с фр., сост., общ. ред. и вступ. ст. Г.К. Косикова. — М.: Прогресс, 1989. — 616 с.

воздействие на нее растворяется не в состоянии оформить массы в иерархичные структуры⁷⁸.

Анализируя современное западное общество и конкретно капитализм Ж. Делез активно использовал понятие территориализация, детерриториализация и ретерриториализация. Территориализовать означает создавать пространство будь то психологическое, экономическое, политическое на концептуальном уровне. Это пространство может быть разрушено и переустроено чем и занимается капитализм. Но переустройство или ретерриториализация может быть репрессивной подобной капиталистической, когда детерриториализация подавляется, то есть нет пути создавать территорию иначе, альтернативно. И может быть номадической способ, когда ретерриториализация не застывает ни на мгновение. Именно в таких терминах Делез предлагает воспринимать основные конфликты в обществе, прежде всего политические. Существует диспарс и компарс, диспарс это множество номадических индивидов постоянно открыт к конструированию мира и не центрирующих свое мировоззрение вокруг только одного центра, то есть в диспарсе постоянно реализуется детерриториализация. А противовес ему компарс, выраженный в статичных, центрированных, иерархичных обществах. Выражаясь образно, в Майских событиях их столкновение будет выражено в столкновении студенчества и полиции⁷⁹.

Таким образом, социальную парадигму предлагаемую постструктуралистами можно охарактеризовать как видение общества в состоянии хаосмоса. Хаосмос описывает состояние между космосом и хаосом, существует бесконечный потенциал для упорядочивания и оформления процессов общественной жизни, но в отличии от концепции космоса нет единого, всеохватывающего плана или структуры, определяющей все

⁷⁸ 9. Бодрийяр Ж. Симулякры и симуляция / пер. с фр. О.А. Печенкиной. — Тула: Тульский полиграфист, 2013. — 204 с.

⁷⁹ Дьяков, А.В. Жиль Делез. Философия различия. — СПб.: Алетейя, 2013. — 512 с.

социальное пространство, что также отчетливо выражалось в концепции ризомы Делеза и Гваттари⁸⁰.

Итак, 1950ые-1960ые начинаются с послевоенной Четвертой республики, которая должна была сдерживать любые тенденции к авторитаризму, но вместо этого породила череду быстрораспадающихся правительственных коалиций. Политические кризисы, в особенности колониальные конфликты привели к краху Четвертой республики и установлению Пятой с господством голлизма. Социально-экономическая политика голлизма во многом была успешной, однако существовали общее разочарование авторитарными тенденциями и сомнение в традиционных политических институтах и идеях Франции. Идеиной платформой и катализатором изменений в политической сфере стали в значительной сфере идеи постструктурализма, которые выражали невозможность революции, метанарративов и коренного переустройства общества и вместо этого утверждали сопротивление через номадическое избегание и ускользание от традиционных дискурсивных практики.

2.2 Изменения в политической системе и политической культуре Франции второй половины XX века

К концу 1960-х годов сложилась ситуация, когда с одной стороны экономика Франции была по мнению большинства исследователей на подъеме, этот период относится к «Славному тридцатилетию». В целом экономику Франции можно охарактеризовать как быстроразвивающуюся и динамичную, однако в ней присутствовали и негативные явления, количество безработных на 1968 год составляло около 500 000 человек, прежде всего безработица затрагивала молодежь. Под вопросом стоит то насколько рост основных макроэкономических показателей отражал реальное улучшение положения большинства населения Франции. В эпоху голлизма акцент с экономики всеобщего благосостояния был смещен на техническую

⁸⁰ Дьяков, А.В. Жиль Делез. Философия различия. — СПб.: Алетейя, 2013. — 512 с.

модернизацию экономики и усиления национальной промышленности в ее связи с международным положением Франции, ее авторитета и влияния на мировой арене. Симптомами, указывающими на неудовлетворительное социально-экономическое положение рабочих, являются забастовки, организованные профсоюзами особенно на фоне реформ о социальном обеспечении, которые можно было наблюдать еще в преддверии 1968 года.

В политической сфере как отмечалось ранее наблюдались противоречия связанные с восприятием политики президента де Голля как волюнтаристской и монополизирующей право на определение национальных интересов и вектора развития французского общества. Более того можно говорить и об определенных авторитаристских тенденциях в правлении де Голля, показательный пример — это установленная государственная монополия на телевидение и радио. СМИ в открытой форме рассматривались правительством как инструмент формирования общества, наглядный пример того, что в терминах М. Фуко можно отнести к гугернаментальности. Молодежью Франции в среде которой распространялись леворадикальные коммунистические и анархистские идеи такой подход, очевидно, оценивался негативно. Можно говорить с высокой степенью уверенности, что политика де Голля не выражала устремления значительной части населения Пятой республики⁸¹.

Это вылилось во фрагментацию и разобщенность политической элиты и общества Франции. Для доказательства этого тезиса можно обратиться к тому, как выглядел парламент Франции после парламентских выборов 1967 года. В этот период де Голль и его движение в определенном смысле становились изолированным политическим движением, но вместе с тем самостоятельно контролирующим власть, не оглядываясь на другие политические силы. Крайне правые во многом были отстранены от власти в силу наследия Виши, и были очень недовольны тем, что де Голль, по их мнению, отказался от

⁸¹ Рубинский Ю.И. Пятая республика. Политическая жизнь Франции в 1958-1969 гг. — М.: Мысль, 1970. — 376 с.

Алжира, который многими считался неотъемлемой частью Франции, что вступает в контраст с отношением к другим колониям, отказ от которых таких противоречий не вызывал. Крайне левые, в первую очередь коммунистическая партия Франции традиционно находились в непримиримой оппозиции к де Голлю. Христианские демократы также не изъявляли желания стать союзниками де Голля.

Крайне показательным и соответственно интересным для исследования эпизодом французской политической жизни были президентские выборы 1965 года. Когда де Голль пришел к власти в 1958 году, он позиционировал себя и более того воспринимался многими как лидер нации, ее объединитель на пути разрозненности и хаоса Четвертой республики. Но в прошлом крайне популярный президент Франции, которому не может быть конкурентов не смог одержать победу в первом туре президентских выборов. Главным конкурентом Ф. де Голля стал Ф. Миттеран. Де Голль победил во втором туре, но сам факт того, что победа была не безоговорочной можно оценить как относительную победу оппозиционных левых сил, лидером которых был Миттеран и как индикатор того, что ценности, представленные в программе де Голля, стали отвечать все меньшей части общества⁸².

Философские идеи, рассматриваемые в исследовании не принадлежали только узкой прослойке интеллектуалов запертых в башне из слоновой кости, эти идеи можно рассматривать и как причину и как выражение изменяющейся политической культуры Франции, они суть зеркало того как менялось мировоззрение эпохи, как минимум для заметной части общества и конечно прежде всего для молодежи и соответственно студенчества существующего в рамках организации академии.

Мы плавно подходили к событиям мая 1968 года ввиду их ключевого значения для политической истории страны, собственно этот период получил статус революционного и в первую очередь из-за переворота в политической

⁸² Чернега В.Н. Буржуазные партии в политической системе Франции. Третья—Пятая республики. — М.: Наука, 1987. — 264 с.

культуре и политическом сознании людей. Для французской политической системы события мая 1968 года стали точкой бифуркации во многом символически разделившей историю Франции⁸³.

Сами события Красного мая начались с протестов студентов в университетах Париж X – Нантер и в Сорбонне. В скором времени протест перекинулся и на другие университеты страны. А затем к студентам присоединились и рабочие. Также непосредственными участниками протестов были и некоторые профессора постструктуралисты, например Ж. Делез лично принимавший участие в уличных погромах. Важно отметить, что сложно говорить об общей программе или организации протестующих, студенты принадлежала течениям анархизма, коммунизма, троцкизма и другим направлениям левой мысли, более того зачастую политическая самоидентификация самих студентов происходила скорее самоиронически⁸⁴. Общим термином этот набор течений принято называть гошизм, обобщающее наименование для всех крайне левых направлений. Что касается организации то протест также не имел единого центра или руководства, как например Октябрьская революция была организована и возглавлена большевиками, революция мая 1968 носила скорее стихийный и хаотический характер. К протестам студентов присоединились рабочие и их профсоюзы, за исключением «Конфедерации свободных профсоюзов», требования профсоюзов и рабочих уже носили более конкретизированный характер: отставка де Голля и улучшение условий труда. Во всеобщей забастовке в общей сложности участвовало около 10-миллионов человек. Однако, не стоит забывать об описанных до этого характеристиках французской политической системы. Во Франции наблюдался не только рост популярности гошизма, но и идеологический раскол. В момент активных выступлений, студенты-гошисты вступали в конфликты со сторонниками крайне правого движения

⁸³ Vaneigem R. *The Revolution of Everyday Life*. — London: Rebel Press, 2001. — 280 p.

⁸⁴ Архив аудиозаписей радио France Culture, посвященных маю 1968 и интеллектуальной жизни.
URL: <https://www.franceculture.fr/> (дата обращения: 18.04.2025)

«Запад», помимо полиции на стороне гошистского правительства действовали и консервативные общественно-политические движения вроде «Службы гражданского действия», и это только одно из движений, де Голль предпринимал действия по консолидации антикоммунистических общественных сил. Де Голль, желая ответить на «хаос» майских событий создал движение Союз защиты республики для консолидации и объединения всех голлистских сил, что можно оценить как эффективное действие. На фоне протестов де Голль вынужденно объявил о проведении досрочных парламентских выборов. И это движение выиграло их, получив абсолютное большинство, в условиях, казалось бы, широчайшего протеста. Далее де Голль окрыленный такой победой и верящий во всеобщую поддержку идет на проведения референдума для одобрения конституционной реформы 1969 года, но с результатом 52% «против» проигрывает и сдерживая свое обещание уходит в отставку⁸⁵⁸⁶.

Май 1968 года мы называем революцией, но вместе с тем не произошло захвата власти революционерами или тотальной реорганизации общества. Но изменилось нечто другое, способ мышления о политике и восприятие традиционных политических институтов. Революция мая была протестом, отвергающим традиционные концепты и здравый смысл, который мыслится как идеология столь укорененная и подразумеваемая как очевидность, не требующая доказательства.

Одним из показательных событий этого разрыва с прошлой политической культурой и делегитимизации является отказ французской коммунистической партии поддержать протест. Можно сказать эта партия как главный выразитель революции в классическом понимании прошла рекуперацию и в собственных терминах стала реакционной силой. Далее и

⁸⁵ Borne D. Histoire de la société française depuis 1945. — Paris: Armand Colin, 2002. — 272 p.

⁸⁶ Constitution de la République française du 4 octobre 1958. Version consolidée. URL: <https://www.conseil-constitutionnel.fr/la-constitution/la-constitution-du-4-octobre-1958> (дата обращения: 18.04.2025)

большинство левых интеллектуалов порвали с партией и шире с ортодоксальным марксизмом.

Как отмечалось к движению студентов присоединились профсоюзные организации, но как мы говорили, протест студентов был лишен классической революционной программы. Что резко отличало их от профсоюзов, профсоюзы и рабочие стремились втиснуть протестное движение в конкретные и уже знакомые требования об улучшении социального положения. Этой преобладающей численно части протеста было свойственно скорее стремиться к тому чего хочет рабочий в капиталистической системе, а именно стать буржуа вместо того, чтобы требовать парадигмального сдвига в системе. Можно констатировать разрыв между динамичной «улицей» и студенчеством с одной стороны и традиционными левыми организациями с другой. Левые организации в этом смысле ближе правительству и гвернаментальности, чем протесту Красного Мая. Классическая партийная система и способ организации власти становится менее легитимным, и оппозиционные партии более не выражают протест. Этот процесс отлично описывается мыслью Фуко. Ранее политический процесс состоял масштабных столкновений, а сейчас на смену приходит микрополитика⁸⁷.

Помимо этого, характер революции имеет ризоматический вид. Не было центра координации протеста или политической партии, общественного движения, объявившего себя центром. Революции вспыхнула в университетах и перенеслась на заводы и фабрики, но не канализировалась в едином направлении. Правительство действовало как центрированная структура, ищущая место приложения силы для того, чтобы уничтожить противостоящий ее центру центр иного, но ризома не имеет центра и в этом был определенный триумф протеста. Протест не имел конкретного требования и программы, но бросал вызов самому способу существования политического, вместо единой

⁸⁷ Чернега В.Н. Буржуазные партии в политической системе Франции. Третья—Пятая республики. — М.: Наука, 1987. — 264 с.

системы постепенно приходил мир отдельных номадов территориализующих свое пространство.

Иногда характеризуя революцию мая 1968 года, говорят, что она была абсурдно-эстетической. Опять же, это не традиционная попытка захвата власти, а революционное движение, в котором революция состоит не в сопротивлении, а в активном избегании властного дискурса и уходе от жесткой организации общества в целом⁸⁸.

В вопросе о влиянии постструктурализма можно обратиться к тем лозунгам, которые были у протестующих студентов. Идеи или скорее мировоззрение включая способы проблематизировать политическое можно удачно увидеть на лозунгах бунтующего студенчества. К их лозунгам относились: *Il est interdit d'interdire* (запрещать запрещено), *la révolution est incroyable parce que vraie* (революция невероятна, потому что она настоящая), *ni Dieu ni maître* (ни Бога, ни господина), *on achète ton bonheur, vole-le* (твоё счастье купили, укради его), *soyez réalistes, demandez l'impossible* (будьте реалистами, требуйте невозможного), *le patron a besoin de toi, tu n'as pas besoin de lui* (ты нужен начальнику, а он тебе — нет)⁸⁹⁹⁰.

В этих лозунгах видно, что вероятно впервые общество потребление стало причиной недовольства, в словах о том, что счастье уже купили. В лозунгах сочетаются слова о том, что социальное устройство должно быть радикально преобразовано в сторону отмены устоявшейся иерархии, но непонятно выходят ли это призывы за границы этического императива, или выражаются в модальности онтологической необходимости. Скорее верно только первое, это пожелание, но, как и говорится в одном из лозунгов, революция — самое настоящее, что есть для участников, непосредственный жизненный порыв, который не должен артикулироваться традиционными

⁸⁸ Маньковская Н.Б. Эстетика постмодернизма. — СПб.: Алетейя, 2000. — 347 с.

⁸⁹ *Les Murs ont la parole. Mai 68. Journal mural. Sorbonne. Odéon. Nanterre etc.* / ed. J. Besançon. — Paris: Tchou, 1968. — 180 p.

⁹⁰ Коллекция плакатов и граффити мая 1968 года (Bibliothèque nationale de France). URL: <https://gallica.bnf.fr/> (дата обращения: 18.04.2025)

партиями и движениями, но вместе революция невероятна. Все эти лозунги можно сказать деконструировали традиционную политику, и текст политики превращается в систему для со-размышления и создания новых смыслов.

Революция Мая 1968 года не закончилась установлением новой республики и голлисты-право-центристы остались у власти, но Май преобразовал политическую культуру. Обратимся к тому, какие новые свойства появились в политической системе Франции. Которая появляется из-за делегитимизации предыдущей системы, проявляющейся, например в росте абсентеизма, в послевоенной Франции традиционно в выборах особенно в президентских участвовало большинство французов зачастую до 90% населения, однако ближе к концу двадцатого века это значения стали снижаться⁹¹.

Первое, что можно сказать о новой политической системе касается тезиса Лиотара о крахе метанарративов – универсальных объясняющих, зачастую телеологических систем. К таковым относится и марксизм. Интеллектуалы Франции критикуют его тоталитаризм, а у молодого поколения пропадает вера в существование объективной идейной основы глобального преобразования, что как мы видели явственно следует и из философии постструктуралистов. И прямым индексом, указывающим на это, является падение популярности марксистской французской коммунистической партии⁹².

Другой чертой, тесно переплетающейся с предыдущее это смещение акцента на микровласть. До этого политический дискурс, а именно заявления лидеров, требования движений они касались прежде всего области публичного, что традиционно и считалось политикой, но теперь власть, как и предлагал Фуко стали замечать и в повседневных практиках, политика распространяется и на область частного, где реализуется биополитика.

⁹¹ Рубинский Ю.И. Пятая республика. Политическая жизнь Франции в 1958-1969 гг. — М.: Мысль, 1970. — 376 с.

⁹² Лиотар, Ж.-Ф. Состояние постмодерна / Пер. с фр. — СПб.: Алетейя, 1998. — 160 с.

Далее, если ранее политическое пространство было скорее антагонизмом как правило двух главных субъектов, в марксистской мысли пролетариата и буржуазии, то теперь политический дискурс преобразуется. Появляются все новые и гетерогенные формы политической мобилизации. Постструктурализм обращал внимание на маргинализованные классы и теперь во Франции 70ых, 80ых и далее появляются все новые движения, вместо привычных политических партий объединения, стремящиеся не захватить власть и реализовать идеологический проект, а скорее создавать новый дискурс или достигать отдельной цели. Власть реализуется в различных дискурсах, где создает нормы и истину. И во Франции после этих революционных событий появляются совершенно новые движения. Например, феминизм как сопротивление патриархальному дискурсу, идеологом которого как раз была относившаяся к постструктурализму Ю. Кристева⁹³. Речь идет не столько о чисто экономическом и правовом равенстве и возможных государственных мерах, а о способах преобразования дискурса, культуры, языка, психологических установок. Начиная с конца 1970ых появлялись и другие движения в частности экологическое, отвергающее антропоцентристское мировоззрение и называющее человека одной из перспектив. Появились движения защиты прав маргинализованных групп, например прав мигрантов. Сам Фуко основал Группу информации по тюрьмам (Groupe d'information sur les prisons) активную в начале 1970ых. Вспоминая мысль постструктурализма, можно назвать одним из главных направлений критики критику классического субъекта. И в этих политических движениях мы видим, как на смену защиты прав и реализации свобод универсального субъекта приходят движения за защиту политических, экономических, культурных и иных прав конкретного другого^{94,95}.

⁹³ Кристева, Ю. Силы ужаса: эссе об отвращении / Пер. с фр. — СПб.: Алетейя, 2003. — 256 с.

⁹⁴ Сартр, Ж.-П. Май 1968 года: Интервью, статьи, выступления // Проблемы мира и социализма. — 1968. — № 9-10.

⁹⁵ Рубинский Ю.И. Пятая республика. Политическая жизнь Франции в 1958-1969 гг. — М.: Мысль, 1970. — 376 с.

Еще одна примечательная деталь — это определенная интеллектуализация политического дискурса и СМИ. Роль интеллектуалов в формировании общественного мнения росла. Мыслители в том числе постструктуралисты постоянно участвовали в публичных дебатах, а их концепции регулярно освещались на France Culture, Б.-А. Леви даже совмещал деятельность телеведущего с деятельностью мыслителя. В этом есть и противоречивая сторона, с одной стороны университетская интеллектуальная культура стала распространяться на более широкие слои населения и активно участвовала в жизни общества, с другой стороны политическая культура становилась отчасти элитарной, так как сложные концепции были менее доступны для понимания чем программные лозунги и классические требования партий⁹⁶.

После самого Мая 1968 года и студенческих погромов, забастовок рабочих правые сохранили контроль над государственными органами, но их контроль не был безраздельным. В 1981 году к власти приходят левые из социалистической партии во главе с Ф. Миттераном. Действительно фиксируется движение маятника общественной поддержки, совершающего качание то влево, то вправо, но находим ли мы тут реализацию постструктуралистских идей. Президентство Миттерана было связано с культурными и социальными реформами согласующимися со взглядами гошистов, например, либерализация законов о СМИ. Но, хотя идеи постструктуралистов вдохновляли экзистенциальный протест, однако не ясно как они могли бы быть реализованы в рамках все той же государственной машины Пятой республики и в условиях капиталистической системы, тоталитарной по своей сути, но предельно адаптивной. Для гошистов этот период во многом еще одна демонстрация невозможности революции, как минимум такой, где главным инструментом является государство. Президентство Миттерана было связано как минимум с двумя важными

⁹⁶ Архив аудиозаписей радио France Culture, посвященных маю 1968 и интеллектуальной жизни.
URL: <https://www.franceculture.fr/> (дата обращения: 18.04.2025)

событиями разочаровавшими гошистов и левых интеллектуалов. Первое связано с нефтяным кризисом 1973, но не с самим по себе, а с его экономическими последствиями, которые долго сказывались на экономиках разных стран. Здесь видно то, что капитализм и экономическая система становится все более глобализованной и на социально-экономическое положение классов общества влияет не только политика по отношению к перераспределению национального капитала, но и множество других факторов. Что еще важнее это то, что правительству Миттерана пришлось пойти на экономию и свертывание программ строительства государства всеобщего благосостояния. Второе это сожитительство (*cohabitation*), действовавшее в период президентства Ф. Миттерана, когда на пост премьер-министра был назначен правый политик Ж. Ширак. Похожая ситуация была в Германии в 1966 году, когда была сформирована первая коалиция христианских демократов и социал-демократов, что тогда отчасти вдохновило Адорно на мысль о негативной диалектике, состоящая в утверждении непримиримости конфликта между действительностью и мыслью о ней. Компромисс Миттерана означал существование иной логики для политического пространства Пятой республики, отличающейся от логики номадического преобразования постструктуралистской мысли. Можно сказать власть глобального капитала и неолиберальные тенденции в развитии современного общества оказались сильнее отдельных национальных преобразовательных программ⁹⁷.

Итак, во второй половине XX века, после 1968 года на уровне организации высших органов государственной власти не произошло значительных изменений, которые можно было бы назвать революционными, идеологически с одной стороны можно сказать, что общество Франции все также описывалось с применением политического спектра, делящего страну на правых и левых. Но, на самом деле в идеологическом плане, политические

⁹⁷ Borne D. Histoire de la société française depuis 1945. — Paris: Armand Colin, 2002. — 272 p.

ценности претерпели радикальные изменения, которые можно назвать революционными.

Ранее идеологический ландшафт Франции был биполярным: левые и правые разделялись, основываясь на небольшом множестве вопросов о собственности, государственном устройстве, возможности вмешательства государства в экономику и некоторых других. Такой классический взгляд был фундирован в классической парадигме, которая предполагала, что политическая власть касается только вопросов реализации метанарративов, взаимодействует с тем, что направленно на общество в самом большом масштабе. Теперь политическая культура и идеологический ландшафт становится более фрагментированным и ризоматическим, не имеющим центра в смысле единого основания, опираясь на которое мог бы быть проведен идеологический водораздел. Сама форма организаций, связанных с политической деятельностью, резко меняется, появляются движения нового толка, концентрирующиеся на вопросах ранее не релевантных политической практике. Субъектами политика становятся не только политические партии, социальные классы и государственные органы, но и множество других форм. Что опять напоминает ризому, случайно локально самоупорядочивающееся собрание самых разных субъектов, в том числе ранее маргинализированных групп, ранее изолируемых как не вписывающихся в политическую деятельность с ее рациональностью. Теперь множество вопросов расширилось и потенциально стало бесконечным. Политическая борьба стала касаться вопросов идентичности, культуры, самовыражения и других тем, ранее считавшихся скорее просто личным делом, до которого не дотягивается политика.

Вторая половина XX века была наполнена изменениями, Пятая республика сменила Четвертую, экономика переживала подъемы и спады, в политике сосуществовали наследие войны и колониальные конфликты. Но была еще и интеллектуальная революция, связанная с появлением постструктуралистской мысли, которая предоставила новый политический

язык и способы радикального переосмысления устоявшегося видения политики.

Постструктурализм с идеями о критике метанарративов, бинарных оппозиций, репрессивного характере современного общества, репрезентации власти в языке, с идеями о биополитике, деконструкции и ризоме стал катализатором политических трансформаций во французском обществе. Революция 1968 года, с одной стороны, не была связана с захватом политической власти, но произошел парадигмальный сдвиг, с точки зрения постструктурализма можно увидеть культурную и идейную трансформацию французского общества.

Однако нельзя сказать, что влияние постструктурализма было однозначно положительно. Постструктурализм эффективно критиковали предшествующие политические формы, однако для движения сложно выявить позитивную конкретную программу, он тесно связан с релятивизмом. Что привело к тому, что влияние течения сходит на нет к 1990ым годам, и идейно начинает доминировать неолиберализм. Но в любом случае диалог политической культуры и постструктуралистов является одной из самых продуктивных и влиятельных глав в интеллектуальной истории Франции.

Глава 3. Развитие университетов во Франции и постструктурализм

3.1 Предпосылки изменений в системе высшего образования

Из предыдущих глав без сомнений можно сделать вывод о том, что вторая половина двадцатого столетия стала временем потрясений и радикальных преобразований в политической системе Франции. Прежде всего эти изменения затрагивали ценностный уровень, то есть те ориентиры, которые мы используем для создания образа желаемой организации социальных институтов. Изменения в ценностях свойственных обществу не могли не затронуть его отдельной части, а именно системы высшего образования. Как говорилось изменения совершались под знаменем постструктурализма, который вдохновлял программы, направленные на переустройство этой системы. Постструктуралистские идеи влияли на большинство социальных институтов, но прежде всего на институт высшего образования. Что вполне закономерно, прежде всего постструктуралистские идеи рождались в среде интеллектуалов, исследователей-гуманитариев, аффилированных с каким-либо вузом, то есть напрямую связанных с университетами. И также, идеи рожденные постструктуралистами воспринимались в первую очередь студенчеством, находившимся в прямом контакте с профессионалами-интеллектуалами, а студенчество как известно очень динамичная и активная часть общества, восприимчивая к новым интеллектуальным движениям.

Для исследования того, какие изменения происходили в высшем образовании Франции и в каком отношении эти изменения находятся с идеями постструктурализма необходимо проанализировать предпосылки этих изменений и в каком состоянии находилось высшее образование во Франции в исследуемый период.

В середине XX века французская модель высшего образования оставалась находиться под влиянием еще Наполеоновской модели университета. Система высшего образования была под полным государственным контролем и имела черты иерархичности и высокой

централизованности. В юридическом смысле университеты не являлись автономными организациями с вытекающими способностями самостоятельно определять учебные планы и внутреннюю организацию. Скорее университет этого периода представлял собой совокупность факультетов, которая напрямую подчинялась Министерству национального просвещения Франции. Еще одна характерная черта – это роль профессуры, ее привилегированное положение. Для описания этого социального феномена появился отдельный термин – *mandarinat*. *Mandarinat* – это меритократическая система действующая внутри французских университетов, иерархия внутри которой основывалась сугубо на университетских званиях и дипломах. Эта система предполагала узкий круг преподавателей-заведующих кафедр чья власть над учебными планами и карьерами младших преподавателей была практически абсолютной. Из чего также следовала огромная дистанция между преподавателями и студентами⁹⁸.

К особенностям преподавания в этот период можно отнести сильный акцент на лекционных формах обучения. Лекции были преобладающей активностью из которых состоял учебный процесс, студенты были пассивной группой, которая должна была быть воспринимающим элементом в процессе обучения. П. Бурдье интерпретировал такой подход к обучению как процесс воспроизводства элит, в том числе и интеллектуальной элиты. Этот процесс сводился к воспроизводству уже имеющейся парадигмы социального и гуманитарного знания. И соответственно такая атмосфера не способствовала развитию критического мышления. Как показывалось постструктурализм был прежде всего критически направленным интеллектуальным течением, которое требовало переосмысления и сотворчества в процессе исследования, что далее

⁹⁸ Peters M.A., Besley T. Poststructuralism and Education // Oxford Research Encyclopedia of Education. — Oxford University Press, 2019. — P. 1–25.

приведет к требованию студентов и многих интеллектуалов к переходу к новым образовательным форматам⁹⁹¹⁰⁰.

Постструктурализм и гошизм¹⁰¹, как политическое движение требовали отказа от центрированности и иерархичности современного общества, что применительно и к университетам. В системе образования в исследуемый период мы можем найти яркое размежевание университетов со свойственной отчетливо выраженной разнице в том, какой социальный капитал могут дать эти типы университетов. Во Франции университеты можно было разделить на две группы: университеты (*universités/facultés*) и высшие школы (*grande école*). Университеты были открыты для всех, кто сдавал экзамены на степень бакалавра (*baccalauréat*), во Франции этот термин означает выпускные экзамены после школы, аналогичные российскому единому государственному экзамену. Как правило широкой общественностью образование в таких учреждениях считалось менее престижным, но оно было массовым и открытым для большего числа молодых людей. Высшие школы такие как *École normale supérieure* или *École polytechnique* были как правило специализированными и открыты меньшему числу людей. Поступление в высшие школы предполагало сдачу отдельного конкурсного экзамена или подготовительный курс организуемые самим университетом, соответственно подготовиться и поступить в них могли далеко не все. Этот тип высшего учебного заведения считался более престижным и готовил управленческую, политическую, инженерную элиту страны. В этом разделении можно проследить социальное расслоение и проявление неравенства, которые по видимому стали одним из факторов Красного мая и растущего недовольства молодежи¹⁰².

⁹⁹ Бурдьё П. Homo academicus / пер. с фр. С. Гашкова, М. Гашковой. — М.: Изд-во Института Гайдара, 2018. — 464 с.

¹⁰⁰ Musselin C. The Long March of French Universities. — New York: Routledge, 2004. — 208 p.

¹⁰¹ Обобщенное название французских леворадикальных течений, включающих маосизм, троцкизм, анархизм

¹⁰² Musselin C. The Long March of French Universities. — New York: Routledge, 2004. — 208 p.

Говоря о предпосылках изменений в системе высшего образования важно сказать, что они носили широкий, комплексный характер, на систему влияли внешние социально-экономические факторы, а не только внутреннее устройство университетов. Вернее сказать, организация системы высшего образования стала все сильнее не соответствовать меняющимся характеристикам общества и ценностям, занимающим все большее место в общественном сознании.

Первый фактор — это демография. В послевоенный период во Франции, как и во многих других европейских государствах наблюдался Бэби-Бум. Рождаемость резко возросла, что привело к резкому увеличению числа поступающих в университеты и студентов. Если в 1950 году количество студентов не превышало 200 000 человек, то в 1968 году количество студентов уже составляло около 500 000 человек. Как говорилось выше правом на поступление в университет обладали молодые люди обладающие *baccalauréat*. В первой половине XX века эту ступень образования, означавшую окончание лицея как правило заканчивали далеко не все, в основном представители буржуазии. В послевоенный период доступ к ней получили более широкие слои населения и соответственно правом на поступление в университет пользовалось намного больше людей¹⁰³.

Все это создавало давление на университеты связано с необходимостью организовать учебный процесс для намного большего числа студентов, зачастую университеты не были готовы к этому на материально-техническом уровне, не хватало даже аудиторий, система была не готова к такому наплыву абитуриентов. Интересным в этом контексте является еще один культурный факт. Необходимость в расширении материально-технической базы высшего образования вела к строительству новых университетов, но это строительство зачастую велось в спешке и что интересно с культурной стороны чаще всего происходило в пригородах и

¹⁰³ Biste G.J.J. The Beautiful Risk of Education. — Boulder, CO: Paradigm Publishers, 2013. — 176 p.

многими места, выбранные для строительства кампусов новых университетов для ответа на массовый наплыв студентов из самых разных слоев французского общества, воспринимались как отчужденные и изолированные от Высших школ¹⁰⁴.

Другой столь же важный фактор, вызывавший необходимость изменений в системе высшего образования это экономический фактор. Как отмечалось в предыдущей главе Франция в период президентства де Голля переживала бурный экономический рост, а экономическая политика была ориентирована прежде всего на техническую модернизацию промышленности. Техническая модернизация закономерно требовала подготовки новых кадров, которые могли бы быть интегрированы в новую более сложную экономическую систему. Но высшее образование еще не было адаптировано к новым запросам. Преобладал лекционный характер, слабо ориентированный на развитие практических навыков необходимых будущим техническим специалистам, требовалось больше инженеров, управленцев среднего звена, строителей. Посредником на уровне университетских программ определявшим оторванность высшего образования была глубокая теоретизированность учебных курсов. Поэтому несмотря на расширение доступности высшего образования и экономический рост Славного тридцатилетия в среде молодежи безработица была выше в сравнении с другими социальными группами. Что в последующем стало одним из факторов, внесших вклад в накопившееся недовольство, вылившееся в майские протесты студентов в 1968 году¹⁰⁵.

Как видно не только постструктуралистские идеи, рожденные сообществом левых интеллектуалов, создавали основу для требований значительных преобразований в системе высшего образования, но существовали и не менее значимые социально-экономические факторы этих преобразований. Социетальные изменения с необходимостью вели к тому, что

¹⁰⁴ Musselin C. The Long March of French Universities. — New York: Routledge, 2004. — 208 p.

¹⁰⁵ Biste G.J.J. The Beautiful Risk of Education. — Boulder, CO: Paradigm Publishers, 2013. — 176 p.

учреждения высшего образования были вынуждены адаптироваться к новым условиям.

Даже самые привилегированные классы французского общества ощущали беспокойство относительно того, как функционирует высшее образование как социальный лифт. В 1965-68 годах правительство де Голля обсуждает изменения способные решить описанные вызовы системе и решения, которые могли бы устранить материально-технические проблемы и проблемы в организации подготовки кадров. К таким обсуждаемым изменениям относилась и инициатива ужесточения приема в университеты, что студенчеством воспринималась как тенденция на усиление элитизма в высшем образовании, что опять же происходило на фоне растущего недовольства, о существовании которого можно ретроспективно заключить исходя из известных событий мая 1968 года.

Осознание необходимости изменений в высшем образовании существовало и в правительстве Пятой республики и в том числе осознавал эту проблему К. Фуше, который являлся министром национального просвещения в этот период. В 1966 году во Франции была проведена реформа К. Фуше направленная на решение вышеописанных проблем путем модернизации и частичной децентрализации французской системы высшего образования¹⁰⁶.

Структура получаемого в университете образования была изменена, предполагалось разделение получаемого высшего образования на циклы. Теперь вместо 3-летнего *licence* появлялся процесс из двух циклов, где первый цикл был направлен на продолжение получения общего образования, без конкретной специализации. Короткий цикл был направлен на подготовку технических кадров, в которых остро нуждалась экономика, а более длительный цикл предполагал больший академический компонент. В учебных планах увеличивалось внимание, уделяемое прикладным дисциплинам. Такое

¹⁰⁶ Décret n° 66-27 du 7 janvier 1966 portant création d'instituts universitaires de technologie // Journal Officiel de la République Française. — 1966. — 8 janvier.

разделение опять же многими увязывалось с иерархичностью и неравенством внутри университета, это изменение напоминало сегрегацию свойственную университетам с разным престижем.

Реформа Фуше была направлена на модернизацию системы и увеличение ее адаптивности в новых условиях, однако в политическом приложении ее сложно назвать удачной. В образовании происходила массивная и высшее образование стало занимать в современном постиндустриальном обществе все более значимое место. Но реформа была воспринята как половинчатая, с одной стороны, она должна была гарантировать доступ к высшему образованию как социальному лифту большему числу людей. Однако студенчество видело в ней продолжение элитаристской политики Пятой республики, складывалось впечатление, что правительство давало доступ к высшему образованию выходцам из рабочего класса не в полном объеме, особенно учитывая, что высшие школы готовили в том числе политическую элиту страны. У большинства также не оставалось доступа к таким университетам как *Institut d'études politiques de Paris* и *École Nationale d'Administration*¹⁰⁷.

Видение развития университетской системы также определялось постструктурализмом. Принимая точку зрения Фуко университет можно назвать одним из институтов дисциплинарного контроля. Причем именно в нем производится власть-знание. Знание не нейтрально, но является частью политических практик. Ж. Деррида предлагал деконструкцию логоцентризма, идею что ни один текст не имеет единственный заданный смысл. Рассматриваемая в этой части модель университета со строгим делением на кафедры и практическим отсутствием междисциплинарности, и с моделью преподавания, ориентированной прежде всего на лекционный формат преподавания стала подразумеваемым объектом критики постструктуралистов. И конечно в описанной системе не было места

¹⁰⁷ Décret n° 66-27 du 7 janvier 1966 portant création d'instituts universitaires de technologie // Journal Officiel de la République Française. — 1966. — 8 janvier.

критическим исследованиям, она ориентировалась прежде всего на простое воспроизводство гуманитарного знания, не было места и междисциплинарности.

Итак, французское общество переживало в 1950-60ые года огромные изменения, Пятая республика сменила Четвертую, происходила демографическая трансформация общества, бурно развивалась экономика, имела место техническая модернизация промышленности, что создавало новые требования к системе высшего образования. Кроме того, происходили важные трансформации на мировоззренческом уровне, постструктуралисты предложили новые ценностные ориентиры для высшего образования, которые отразились на последующих преобразованиях в системе высшего образования Франции.

3.2 Трансформации системы высшего образования во Франции и взгляд

Вторая половина XX века в том числе была связана с борьбой за смыслы, а университет как место передачи и производства знаний было полем этой борьбы. Постструктуралисты желали пересмотра организации старых, классических университетов на основе междисциплинарности и критическом подходе. В этот период высшее образование сильно меняется и необходимо исследовать в контексте этой борьбы за смыслы то какое влияние оказывал постструктурализм, насколько велико было его влияние, определялось ли развитие только им и к какому состоянию пришла высшая школа на конец изучаемого периода.

Майские события 1968 года показали резкое недовольство студенчества, причиной которого во многом была именно система высшего образования, ее консервативность и неадаптивность. Попытки согласовать эти требования с организацией высшего образования вылились в реформу или закон Фора (*loi d'orientation de l'enseignement supérieur/loi Faure*) принятую в 1968 году и названную в честь действующего на тот момент министра национального просвещения Э. Фора. Ситуация очень интересна с политической точки зрения

в контексте исследования, так как в ней номадический бунт превратился в закон¹⁰⁸.

Реформа состояла в предоставлении расширенной автономии университетам. Благодаря автономии университеты получили право самостоятельно определять бюджет и создавать программы обучения, хотя в этом вопросе автономия была неполной. Также закон устранял факультеты, на которые ранее строго был разделен университет, вместо факультетов создавались учебно-научные объединения (*unité d'enseignement et de recherche*). В границах новых исследовательских образований возможно было сотрудничество специалистов разных областей, что разительно отличалось от традиционной специализации университетов на определённой области знания, например на политических науках в *Science PO* и строгого факультетского разграничения. Также это подрывало и систему *mandarinat* то есть власть заведующих кафедрой профессоров единолично определявших программы и карьерный путь младших преподавателей. Вместе с тем создавались университетские советы, участвующие в управлении университетами. Эта часть реформы имела ярко выраженную демократическую направленность. В советы входили не только заведующие кафедрой и преподаватели, а также студенческие делегаты, представители административного и технического персонала, и представители внешних организаций, чаще всего местные политики, предприниматели, потенциальные работодатели. Реформа поддерживала междисциплинарность и исследовательскую активность введением позиции преподавателя-исследователя (*enseignant-chercheur*), чья деятельность была разделена между преподаванием и исследованием, что должно было способствовать развитию прикладных исследований и постоянному обновлению содержания образовательных программ, а не

¹⁰⁸ Loi d'orientation de l'enseignement supérieur n° 68-978 du 12 novembre 1968 (Loi Faure). Journal Officiel de la République Française. 13 novembre 1968.

простому воспроизводству знания-власти и возобновлению академической элиты¹⁰⁹.

Можно сказать реформа вобрала в себя ряд требований, предполагаемых бастующими студентами и вдохновлявшими их постструктуралистами. В законе выражалось стремление к демократизации и обновлению: университеты должны согласовываться с демократической и технологической эволюцией *«elles [universités] doivent se conformer à l'évolution démocratique exigée par la révolution industrielle et technique¹¹⁰»*. Основные изменения, связанные с постструктурализмом это: автономность университетов, их уход от государственного дискурса, самоуправление, реализованное через университетские советы, включающие студентов и междисциплинарность, на нормативном уровне реализованная в поощрении смешения научных исследований¹¹¹.

Стоит отметить, что хотя закон Фора воплощал многие идеи, например Дерридианскую идею децентрации, но не всё в этой реформе было благоприятно воспринято постструктуралистами, прежде всего распределение власти самой по себе, автономия предполагала сохранение значительной власти за министерством и ректорами. Оставались внутренние советы отвечающие, например за вопросы составления учебных планов, в которых студенты почти не были представлены.

Создание новых правовых норм и экономические инвестиции в открытие новых университетов дало пространство для организации новых университетов, которые зачастую реализовывали постструктуралистские идеалы. Как говорилось в исследуемый период проходило строительство и открытие новых университетов, кампусы строились зачастую в пригородах. В

¹⁰⁹ Loi d'orientation de l'enseignement supérieur n° 68-978 du 12 novembre 1968 (Loi Faure). Journal Officiel de la République Française. 13 novembre 1968.

¹¹⁰ Они [университеты] должны соответствовать демократической эволюции необходимо вызванной индустриальной и технической революцией (фр.)

¹¹¹ Loi d'orientation de l'enseignement supérieur n° 68-978 du 12 novembre 1968 (Loi Faure). Journal Officiel de la République Française. 13 novembre 1968.

парижских пригородах был построен ряд университетов, например, Париж-VIII Париж-X Париж-XIII¹¹².

Постструктуралисты предлагали ряд идей непосредственно применимых к образованию. М. Фуко говорил: «экзамен – это техника надзора». Что особенно актуально применительно для экзамена для получения степени *doctorat* аналога степени кандидата наук, который по философии проходил крайне строго и предполагал анализ конкретного текста, причем анализ должен был не предложить оригинальную трактовку, а попытаться как можно ближе к устоявшейся интерпретации концептуально описать текст. Согласно идее Фуко, это один из центров производства знания, которое может производиться им благодаря переданной власти, а сама власть состоит в способности определять, что такое норма и что есть истинное знание. Ж. Деррида предлагал читать тексты не для того, чтобы воспринять и затем воспроизвести заложенный смысл, а для поиска вытесненных маргинализированных тем, нужно подвергать сомнению иерархию текста и искать, и участвовать в творении новых смыслов. То есть нет единственно верной интерпретацией, которой владеет только преподаватель. А если нет единственно верной интерпретации, то возможно их активное множественное создание, студент рождается как субъект процесса рождения знания. Особенное влияние происходило на факультеты литературы. Лозунг Р. Барта «смерть автора» предполагал, что вместо биографии и герменевтического контекста нужно искать маргинализированные контексты и скрытые противоречия.

В контексте образования постструктурализм нашел свое место в методике, дидактике, в самом способе оформления пространства учреждения высшего образования. И наиболее отчетливо это видно на одном из университетов, организованных в Парижском пригороде, а именно университет в Венсане Париж-VIII, который был организован

¹¹² Peters M.A., Besley T. Poststructuralism and Education // Oxford Research Encyclopedia of Education. — Oxford University Press, 2019. — P. 1–25.

постструктуралистами. Университеты в пригородах Парижа имели свою научную специализацию, Париж-VIII ориентировался на гуманитарные исследования¹¹³.

Париж-VIII – идеальный объект исследования для того, чтобы проследить практическое воплощение идей постструктурализма в организации учебного процесса и в программах обучения. Университет был открыт в 1969 году и стал экспериментальным центром, создатели которого хотели показать, что университет может быть кузницей новых ценностей и смыслов и быть первоочередным местом философской борьбы, а не только учреждением по воспроизводству кадров и устоявшейся социальной структуры.

В университет Париж-VIII преподавали Ж. Делез, Ж. Лакан, А. Бадью, Ж.-Ф. Лиотар, М. Фуко возглавлял кафедру философии. Ж. Делез читал открытые лекции, которые стремился театрализовать, сделав их максимально открытыми публике. Что касается постструктуралистских нововведений то прежде всего университет пытался отменить традиционную иерархию и традиционные экзамены заменяя их иными формами контроля в свободной форме. В университете был более демократичный и свободный доступ к получению образования. В том числе посещать занятия могли выходцы из рабочих классов или мигранты не имеющие *baccalauréat*. Университетские преподаватели активно вводили новые курсы, чьим предметом были несвойственные более классическим университетам социальные явления, например, кино, о котором читал лекции Ж.Делез, все благодаря свободе, предоставленной преподавателям. Кроме того, университет отличался высокой степенью междисциплинарности, которая в целом характерна была для трудов постструктуралистов, анализ художественных текстов мог совмещаться с политическими исследованиями. Можно сказать, что *humanities* как отдельное, целостное, взаимообусловленное направление

¹¹³ Musselin C. The Long March of French Universities. — New York: Routledge, 2004. — 208 p.

исследований появляется в этот период в том числе под влиянием постструктурализма. Характерно для университета было также введение курсов по психоанализу в его лакановской версии и смешение философских курсов с политическим активизмом, когда мысль обращалась к непосредственной социальной действительности. И еще одна важная черта относящаяся непосредственно к обучению состоит в отказе от лекционного формата, преподавание стремилось к дискуссии, можно сказать благодаря постструктурализму появляется актуальная для сегодняшнего дня модель университета как коворкинга. Безусловно лекции не отменялись, но в университете старались минимизировать дистанцию между преподавателями и студентами и ризоматически заменить вертикальные связи на горизонтальные¹¹⁴.

Теперь необходимо вернуться к широкому образовательному и политическому контексту. Описываемые предыдущие реформы проходили в эпоху голлизма и стали противодействующими мерами по отношению к действовавшему правительству и ассоциировались в политическом плане скорее с направлением гошизма. Принимаемые реформы являлись своеобразной уступкой, с другой стороны, они были необходимыми ввиду демографических и экономических причин. И реформа Фора была принята с критикой, прежде всего за то, что те основные принципы, которые были выделены ранее не нашли всеобщего и полного исполнения. Одна из ее целей, то, что от нее ожидали это демократизация и достижения равенства доступа к высшему образованию как к социальному лифту. Однако разница в престиже получаемого образования между университетами и высшими школами сохранялась.

Как отмечалось политическая система Франции характеризуется выраженным разделением на правых и левых и, хотя изменения, ассоциируемые с постструктуралистской мыслью, вели к фрагментации

¹¹⁴ 1. Statuts de l'Université de Vincennes (Paris VIII). Délibération du Conseil constitutif du 1er décembre 1970 // Archives de l'université Paris 8. — Saint-Denis, 1970. — 12 p.

политического ландшафта. При этом все же доминирующие крупные партии сохранялись. Но в этом контексте интересна реформа высшего образования, принятая при социалистическом правительстве. В 1981 году на президентских выборах побеждает Ф. Миттеран. А в 1984 году был принят социалистически направленный закон Савари (*loi Savary*). Закон был направлен на унификацию системы высшего образования и создание единой публичной образовательной службы. Закон предусматривал создание конгресса ректоров университетов (*conférence des présidents d'université*), а характер взаимоотношений университетов и правительства должен был основываться на отношениях, закрепленных контрактом, где деятельность университетов оценивалась национальным комитетом оценки образовательных учреждений. Создание единой системы оценивания и единого координирующего органа было направлено на то, чтобы добиться равенства в уровне и престиже получаемого образования между университетами и высшими школами. Однако, сразу же появились исключения для ряда учреждений высшего образования, а именно для технологических университетов, которые были учреждены в законе 1985 года, который вместе с тем благопритствовал открытию множества инженерных высших школ (*écoles d'ingénieurs*). Была продолжена демократизация университетской жизни, помимо научного и административного совета университетов создавались совет по учебным вопросам и совет по научным вопросам. Закона Фора заменял факультеты на новые объединения, которые по Закону Савари также заменялись на *unités de formation et de recherche*, которые во многих университетах, например, в Сорбонне по традиции продолжили называться факультетами. Они создавались административными советами университетов и включали исследовательские и преподавательские подразделения, лаборатории, включались и преподаватели-исследователи. Обычно объединение существовало в рамках одного направления, например математика или экспериментальная физика. Объединения создавали свои статуты, одобряемые административными советами, отдельные статуты были для медицинских

направлений исследований (*statut dérogatoire*). *Unités de formation et de recherche* непосредственно управлялись советами, в которые входили даже студенты¹¹⁵¹¹⁶.

В целом реформы социалистов в образовании были направлены на демократизацию, расширение автономии и адаптивности университетов, научные советы получали широкую свободу в выборе направления исследований. Однако, как мы видели в предыдущей главе, деятельность правительства Миттерана была противоречивой, его правительство вынуждено принимало меры несогласующиеся с социалистическим идеологическим фундаментом партии, что интерпретируется как победа глобального капитала. То же самое можно сказать и об образовании, которое стало попадать под влияние неолиберальных тенденций в развитии французского общества. И с 1980ых годов можно сказать, что влияние постструктурализма на высшее образование и университеты заметно ослабевает.

Неолиберализм подразумевает, что решения о направлении развития общества должны приниматься скорее рынком нежели государством. Уже реформа Савари ведет к формированию отношений между университетами и правительством основанных на 4-летних контрактах, образование становится услугой продаваемой и покупаемой. Университеты обязаны достигать конкретных показателей по количеству публикаций, патентов, студентов. Росла значимость конкурсных грантов, например, от Национального исследовательского агентства. А одновременно с этим как альтернативный источник финансирования стали привлекаться частные пожертвования имеющие свои условия. Университеты стали оцениваться по их продуктивности, а между собой университеты входят в отношения рыночной конкуренции. Этот закон расширял советы университетов и в них вошло много

¹¹⁵ Musselin C. *The Long March of French Universities*. — New York: Routledge, 2004. — 208 p.

¹¹⁶ Loi n° 84-52 du 26 janvier 1984 sur l'enseignement supérieur (Loi Savary). *Journal Officiel de la République Française*. 27 janvier 1984.

представителей потенциальных работодателей, в первую очередь бизнеса. Далее это отразилось на учебных программах. В учебные программы стали включаться новые модули вроде «профессионального проектирования». Положение преподавателей также стало меняться, резко увеличивается доля преподавателей с временными контрактами, которые заменяют *mandarinat*, вместо власти заведующих кафедр, приходит власть рыночного механизма. Рыночный механизм требует скорее стандартизированных специалистов, а не критически рассуждающих мыслителей, которых готовили кафедры фундаментальных наук¹¹⁷.

Очевидно, что все эти изменения шли вразрез с видением образования свойственным постструктурализму, но направление экономического развития общества нельзя было повернуть. Постструктурализм продвигал идеи свободы в образовании, доступа к нему представителей самых разных социальных групп, критического мышления и фундаментальных междисциплинарных исследований, которые должны были рождать новые интерпретации известных классических текстов, на которых строилось гуманитарное образование. Однако, экономические и вслед за ними социально-политические преобразования создали условия, в которых от образования требовалась в первую очередь передача практических знаний и воспроизводство кадров, которые могли бы как можно эффективнее быть встроены в экономику.

Можно сказать, что постструктуралистские изменения сворачивались ближе к концу века, хотя постструктурализм многое дал системе высшего образования. Критический подход, позволил студенту стать более активным элементом обучения, традиционный лекционный формат не исчезал, но появлялись и другие формы обучения. Критичность подхода позволяла отойти от простого воспроизводства знания и социальных статусов и перейти к интерпретации и деконструкции текстов. В свою очередь деконструкция и

¹¹⁷ Musselin C. The Long March of French Universities. — New York: Routledge, 2004. — 208 p.

междисциплинарность привели к появлению ряда новых дисциплин и исследовательских областей: культурные исследования, гендерные исследования, постколониальные исследования. Характеризуя французские университеты и постструктуралистов в целом, можно говорить о значительном интеллектуальном влиянии Франции и исследуемой интеллектуальной традиции, в частности. Работы постструктуралистов стали известны по всему миру и экспортировались на философские, литературоведческие и иные кафедры университетов других стран. Однако, подход постструктуралистов не согласовывался с требованиями рынка и шире общества. Университетские программы разделились на те, что готовили свободолюбивых мыслителей и те, что готовили профессиональные кадры для рынка¹¹⁸.

Но необходимо отметить и черты, которые конвенционально воспринимаются скорее, как негативные. Постструктурализм воспринимал экзамен как дисциплинарную практику, направленную на воспроизводство знания определяемого властью лектора, экзамен по мысли постструктуралистов служил индикатором того, насколько студент индоктринирован в устоявшуюся парадигму знания и соответственно отвечает ли он его стандартам. Постструктуралистские программы обучения стремились отказаться от этой формы контроля, но отказ от контроля вел к ситуации, когда отсутствуют вычисляемые способы оценки подготовки выпускника, что вело к девалоризации получаемых дипломов, ведь нет способа хоть как-то подтвердить работодателю, что необходимые навыки были действительно получены обучающимся. Далее, множественность возможных интерпретаций и отсутствие инстанции, обращение к которой могло бы быть использовано как средство установления истины научного исследования хотя бы в конвенционалистском смысле вело к тому, что ускользала возможность построения по-настоящему intersubjectивной

¹¹⁸ Musselin C. *The Long March of French Universities*. — New York: Routledge, 2004. — 208 p.

науки. Примечателен случай «*Sokal Hoax*», когда физик А. Сокал направил в научный журнал постмодернистской и постколониальной направленности статью по физике развивающую идею о том, что теория квантовой гравитации — это социальный и лингвистический конструкт. Статья была принята несмотря на то, что преднамеренно была бессмыслицей, сразу заметной профессиональным физикам. И также, постструктуралистские практики в университете вели к тому, что университетские кафедры зачастую политизировались, здравый смысл по мысли постструктуралистов не является нейтральным, но постоянная борьба с ним превращала университет в место противостояния, где кафедра становится идеологической баррикадой, вопреки призыву Вебера не превращать академическую кафедру в политическую трибуну¹¹⁹.

Итак, система образования во Франции во второй половине XX века пережила множественные изменения под влиянием экономических, социальных, демографических и политических факторов. В политической культуре происходит рождение новых ценностей, которые вдохновляют Май 1968 года и затем его требования о переустройстве университета. Постструктуралистские идеи вдохновляют разрушение старой авторитарной модели передачи знания, основанной на пассивном восприятии и воспроизводстве, вместо этого постструктурализм предлагает развитие критического мышления, свободомыслие, междисциплинарность. Однако, неолиберальные преобразования во французском обществе заставляли систему высшего образования адаптироваться к условиям, требующим от университетов совсем другого. В конечном итоге французский университет сохранил часть идей касающиеся интеллектуальной свободы, при преобладании административной бюрократии и ориентации на воспроизводство кадров, требующихся рыночной экономикой с вытекающими для учебных программ следствиями.

¹¹⁹ Biste G.J.J. *The Beautiful Risk of Education*. — Boulder, CO: Paradigm Publishers, 2013. — 176 p.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Итак, в работе рассмотрена взаимосвязь постструктурализма как интеллектуального движения и изменений в политической системе и системе высшего образования Франции, которые имели место во второй половине XX века. Постструктурализм – это разнородное критическое философское направление, возникшее как реакция на структурализм и предшествующую интеллектуальную традицию. Структурализм стремился придать гуманитарному знанию более наукообразный вид объясняя социальные феномены через структуры – универсальные устойчивые взаимосвязи элементов, фундирующие законы функционирования социальных систем. Однако, постструктурализм увидел в этом подходе метафизичность, связанную с тем, что структура существует вне предмета, она организует некоторое пространство сама не будучи его частью, упорядочивая некоторую множественность она не должна быть частью этой множественности. Постструктурализм обрушился с радикальной критикой на традиционные концепты и представления, лежащие в основе европейской рациональности и цивилизации шире, обрушился на представление о субъекте, фиксированном раз и навсегда смысле, референциальной способности языка, центрированности, существовании абсолютного основания истины и иерархически организованных бинарных оппозиций. Но постструктурализм не только критиковал, также он предлагал новые идеи и способы познания, это течение предлагало новое понимание свободы, как постоянного становления, анализировать власть на микроуровне, плюрализм и множественность, исследование дискурсов и понимать желание как продуктивную, созидательную силу.

Постструктуралистские идеи нашли свое выражение в политике прежде всего в майских событиях 1968 года. Студенчество, вдохновленное новыми идейными веяниями, требовало радикального переустройства общества и, хотя институционально Пятая республика не претерпела значительных изменений, политическая культура Франции заметно изменилось, что

выразилось в новом видении политики, власть стала осознаваться не только в общегосударственном масштабе, но и на микроуровне, акторы политического процесса стали более разнообразными и устоявшиеся идеологии теряли былую значимость. Революция 1968 года продемонстрировала культурный и идеологический сдвиг.

В целом, во второй половине XX века произошло множество изменений в политической системе, Пятая республика пришла на смену Четвертой, в экономике подъемы, вроде «Славного тридцатилетия» сменялись спадами. На политическую культуру влияли старые политические традиции, колониальные конфликты, наследие войны. Но также проходила и революция в образе мысли о политическом, связанная с появлением постструктурализма, которая предоставила новый политический язык и способы радикального переосмысления устоявшегося видения политики.

Так катализатором изменений во французском обществе стали постструктуралистские идеи о критике бинарных оппозиций, метанарративов, центрированности, репрессивного характера современной цивилизации. Революция 1968 года, не была связана с захватом политической власти, но имел место парадигмальный сдвиг, с точки зрения постструктурализма можно увидеть трансформацию политической культуры. Политическими стали вопросы не только публичной жизни, но и частной, традиционные массовые партии стали сменяться скорее ризоидной сетью общественных движений, направленных на конкретные вопросы, которые раньше считались маргинальными. В партийной системе все еще можно выделить правых и левых, но общество стало куда восприимчивее, динамичнее, обновлялся старый электорат, голосующий по инерции, а количество вопросов, являющихся основанием для разделения стало увеличиваться, становясь потенциально бесконечным. Сама политика стала касаться других тем, например, вопросов идентичности, самовыражения, репрезентация власти в языке.

Постструктурализм эффективно критиковал предшествующие политические формы, однако для движения сложно выявить позитивную конкретную программу, он тесно связан с релятивизмом. Что привело к тому, что влияние течения спадает к 1990ым годам, и идейно начинает доминировать неолиберализм. бурно развивалась экономики, а главное происходила техническая модернизация промышленности, что создавало новые требования к системе высшего образования. Но в любом случае диалог политической культуры и постструктуралистов является одной из самых продуктивных и влиятельных глав в интеллектуальной истории Франции.

В системе высшего образования во второй половине XX века также происходили заметные трансформации, вектор которых определял в том числе постструктурализм. В исследуемый период демографические и социально-экономические факторы привели к необходимости реформирования университетов. И многие из преобразований были вдохновлены постструктуралистскими идеями. Происходит разрушение или резкое преобразование старой авторитарной модели обучения, состоящей в пассивном восприятии студентами и последующем воспроизводстве устоявшейся социальной и академической структуры. Теперь постструктуралисты предлагают междисциплинарность, свободомыслие, развитие критического мышления.

В университетах появлялись новые форматы обучения, образование демократизировалось, студент воспринимался как активный и творческий участник учебного процесса, развивалась междисциплинарность, появлялись новые области исследований, такие как кино, гендерные и постколониальные исследования, менялось само отношение к учебному процессу, вместо пассивного восприятия и воспроизводства знания обучающийся стал восприниматься как свободный критически мыслящий деятель. Вместе с тем постструктурализм нес и негативные последствия для системы высшего образования университетские кафедры политизировались, а стремление к отказу от экзаменов обесценивало дипломы.

К концу века требования постиндустриального общества заставили университеты адаптироваться. Неолиберальные нововведения в экономике требовали подготовки узкоспециализированных специалистов и сугубо практико-ориентированного подхода в обучении, а постструктуралисты видели в обучающемся скорее свободного не сдерживаемого рамками мыслителя широкого профиля.

К концу XX века происходило вытеснение постструктуралистских взглядов из системы высшего образования, но благодаря постструктурализму французские университеты сохранили часть идей касающихся интеллектуальной свободы.

Список источников и литературы

Источники:

Нормативно-правовые акты:

1. Décret n° 66-27 du 7 janvier 1966 portant création d'instituts universitaires de technologie // Journal Officiel de la République Française. — 1966. — 8 janvier.
2. Loi n° 84-52 du 26 janvier 1984 sur l'enseignement supérieur (Loi Savary). Journal Officiel de la République Française. 27 janvier 1984.
3. Statuts de l'Université de Vincennes (Paris VIII). Délibération du Conseil constitutif du 1er décembre 1970 // Archives de l'université Paris 8. — Saint-Denis, 1970. — 12 p.
4. Constitution de la République française du 4 octobre 1958. Version consolidée. URL: <https://www.conseil-constitutionnel.fr/la-constitution/la-constitution-du-4-octobre-1958> (дата обращения: 18.04.2025)
5. Loi d'orientation de l'enseignement supérieur n° 68-978 du 12 novembre 1968 (Loi Faure). Journal Officiel de la République Française. 13 novembre 1968.

Мемуары и воспоминания:

1. Les Murs ont la parole. Mai 68. Journal mural. Sorbonne. Odéon. Nanterre etc. / ed. J. Besançon. — Paris: Tchou, 1968. — 180 p.
2. Архив аудиозаписей радио France Culture, посвященных маю 1968 и интеллектуальной жизни. URL: <https://www.franceculture.fr/> (дата обращения: 18.04.2025)
3. Коллекция плакатов и граффити мая 1968 года (Bibliothèque nationale de France). URL: <https://gallica.bnf.fr/> (дата обращения: 18.04.2025)
4. Сартр, Ж.-П. Май 1968 года: Интервью, статьи, выступления // Проблемы мира и социализма. — 1968. — № 9-10.

Литература:

1. Biste G.J.J. *The Beautiful Risk of Education*. — Boulder, CO: Paradigm Publishers, 2013. — 176 p.
2. Borne D. *Histoire de la société française depuis 1945*. — Paris: Armand Colin, 2002. — 272 p.
3. Dosse F. *Histoire du structuralisme. Tome 1: Le champ du signe, 1945–1966*. — Paris: La Découverte, 1991. — 522 p.
4. Duhamel O. *Le Pouvoir politique en France*. — Paris: Presses Universitaires de France, 1991. — 439 p.
5. Ferry L., Renaut A. *French Philosophy of the Sixties: An Essay on Antihumanism*. — Amherst: University of Massachusetts Press, 1990. — 233 p.
6. Musselin C. *The Long March of French Universities*. — New York: Routledge, 2004. — 208 p.
7. Peters M.A., Besley T. *Poststructuralism and Education // Oxford Research Encyclopedia of Education*. — Oxford University Press, 2019. — P. 1–25.
8. Vaneigem R. *The Revolution of Everyday Life*. — London: Rebel Press, 2001. — 280 p.
9. Автономова Н.С. *Открытая структура: Якобсон — Бахтин — Лотман — Гаспаров*. — М.: РОССПЭН, 2009. — 503 с.
10. Автономова Н.С. *Философский язык Жака Деррида*. — М.: РОССПЭН, 2011. — 510 с.
11. Автономова, Н.С. *Философские проблемы структурного анализа в гуманитарных науках*. — М.: Наука, 1977. — 271 с.
12. Альтюссер Л. *Идеология и идеологические аппараты государства // Неприкосновенный запас*. — 2011. — № 3 (77). — С. 14–58.
13. Арзаканян М.Ц. *Де Голль и голлисты на пути к власти*. — М.: Высшая школа, 1990. — 160 с.
14. Барт Р. *Избранные работы: Семиотика: Поэтика / пер. с фр., сост., общ. ред. и вступ. ст. Г.К. Косикова*. — М.: Прогресс, 1989. — 616 с.

15. Бодрийяр Ж. Общество потребления. Его мифы и структуры / пер. с фр., послесл. и примеч. Е.А. Самарской. — М.: Республика; Культурная революция, 2006. — 269 с
16. Бодрийяр Ж. Симулякры и симуляция / пер. с фр. О.А. Печенкиной. — Тула: Тульский полиграфист, 2013. — 204 с.
17. Бурдьё П. Homo academicus / пер. с фр. С. Гашкова, М. Гашковой. — М.: Изд-во Института Гайдара, 2018. — 464 с.
18. Бурдьё, П. Социология социального пространства / Пер. с фр. — М.: Институт экспериментальной социологии; СПб.: Алетейя, 2007. — 288 с.
19. Гваттари Ф., Делез Ж. Тысяча плато: Капитализм и шизофрения / пер. с фр. и послесл. Я.И. Свирского. — Екатеринбург: У-Фактория; М.: Астрель, 2010. — 895 с.
20. Гваттари Ф., Делез Ж. Что такое философия? / пер. с фр. и послесл. С.Н. Зенкина. — М.: Институт экспериментальной социологии; СПб.: Алетейя, 1998. — 288 с.
21. Делез Ж. Логика смысла / пер. с фр. Я.И. Свирского. — М.: Академический проект, 2011. — 472 с.
22. Делез Ж. Различие и повторение / пер. с фр. Н.Б. Маньковской и Э.П. Юровской. — СПб.: Петрополис, 1998. — 384 с.
23. Деррида Ж. О грамматологии / пер. с фр. и вступ. ст. Н.С. Автономовой. — М.: Ad Marginem, 2000. — 511 с.
24. Деррида Ж. Письмо и различие / пер. с фр. Д.Ю. Кралечкина. — М.: Академический проект, 2000. — 430 с
25. Дьяков А.В. Жак Лакан. Фигура философа. — М.: Территория будущего, 2010. — 560 с.
26. Дьяков А.В. Постструктурализм как феномен истории философии: дис. д-ра филос. наук. — СПб., 2009. — 420 с
27. Дьяков, А.В. Жиль Делез. Философия различия. — СПб.: Алетейя, 2013. — 512 с.

28. Дьяков, А.В. Мишель Фуко и его время. — СПб.: Алетейя, 2010. — 672 с.
29. Ельмслев Л. Прологомены к теории языка / пер. с англ. Ю.К. Лекомцева // Новое в лингвистике. Вып. 1. — М., 1960. — С. 264–389.
30. Ильин И.П. Постструктурализм. Деконструктивизм. Постмодернизм. — М.: Интрада, 1996. — 256 с.
31. Костикова А.А. Постмодернизм во Франции: этапы, направления, идеи // Вестник Московского университета. Серия 7. Философия. — 2005. — № 6. — С. 3–19
32. Костикова, И.В. Постмодернизм в контексте современной французской философии. — М.: Изд-во МГУ, 1998. — 144 с.
33. Кристева, Ю. Силы ужаса: эссе об отвращении / Пер. с фр. — СПб.: Алетейя, 2003. — 256 с.
34. Куренной В.А. Исследовательская и политическая программа культурных исследований // Логос. — 2012. — № 1. — С. 14–64.
35. Леви-Стросс К. Структурная антропология / пер. с фр. В.В. Иванова. — М.: ЭКСМО-Пресс, 2001. — 512 с
36. Лиотар, Ж.-Ф. Состояние постмодерна / Пер. с фр. — СПб.: Алетейя, 1998. — 160 с.
37. Маньковская Н.Б. Эстетика постмодернизма. — СПб.: Алетейя, 2000. — 347 с.
38. Рубинский Ю.И. Пятая республика. Политическая жизнь Франции в 1958-1969 гг. — М.: Мысль, 1970. — 376 с.
39. Соссюр Ф. де. Курс общей лингвистики / пер. с фр. А.М. Сухотина. — М.: Эдиториал УРСС, 2004. — 256 с.
40. Ставцев С.Н. Введение в философию Жака Деррида. — СПб.: Лань, 2010. — 224 с.
41. Фуко М. Археология знания / пер. с фр. М.Б. Раковой, А.Ю. Серебрянниковой. — СПб.: Гуманитарная академия; Университетская книга, 2004. — 416 с.

42. Фуко М. Надзирать и наказывать. Рождение тюрьмы / пер. с фр. В. Наумова. — М.: Ad Marginem, 1999. — 480 с.
43. Фуко, М. Воля к истине. По ту сторону знания, власти и сексуальности / Пер. с фр. — М.: Касталь, 1996. — 448 с.
44. Хабермас Ю. Философский дискурс о модерне / пер. с нем. М.М. Беляева и др. — М.: Весь Мир, 2003. — 416 с.
45. Чернега В.Н. Буржуазные партии в политической системе Франции. Третья—Пятая республики. — М.: Наука, 1987. — 264 с.